

ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ

Спачкой газет «Правда» и «Известия», с брошюрами и декретами Советского правительства и почти без личного багажа я сел 18 июля 1918 года на старенький колесный пароход, отплывающий из Царицына в Астрахань. В моем кармане, рядом с револьвером и партбилетом, лежало командировочное удостоверение, подписанное военным комиссаром Северо-Кавказского военного округа Н. Анисимовым. В удостоверении говорилось, что я направляюсь в качестве лектора в Моздокский и Пятигорский отделы Терской области, а также в Ставрополье.

Политическая обстановка на Северном Кавказе складывалась для нас в ту пору не очень благоприятно. Белогвардейская армия Деникина захватила Тихорецкий железнодорожный узел, прервав тем самым сообщение между Царицыном и Кубанью, Ставрополем и Терекком; к Царицыну приближались белоказачьи полки донского атамана Краснова. Германские войска, оккупировавшие Дон, стояли у Батайска и рвались на Кубань. Работа в таких условиях мне предстояла очень сложная, и я отлично представлял себе ее трудности. Я должен был, не скрывая правды, терпеливо объяснять товарищам причины наших неудач, вскрывать недостатки и делать все возможное для того, чтобы поддержать боевой дух красноармейцев.

Прибыв в Пятигорск, я тотчас же отправился к секретарю горкома РКП(б) Г. Г. Анджиевскому. Выше среднего роста, худощавый, с энергичным лицом и живыми глазами, Анджиевский радушно встретил меня и, ознакомившись с документами, подробно информировал о сложившейся в районе Пятигорска боевой и политической обстановке. Я, в свою очередь, рассказал о Царицыне и о V съезде Советов, который проходил незадолго до этого в Москве.

Анджиевский внимательно выслушал меня и поручил мне выступить в местном партийном клубе. Затем он принял меня в стель «Бристоль», где располагалось в то время Управление внутренними делами окружного Совета рабочих депутатов. Товарищ Блок, ведавший в Пятигорском округе вопросами агитации и пропаганды, дал мне конкретное задание. Вскоре я уже был на пути в Георгиевск, где предстояло провести первые беседы с красноармейцами Северо-Западного фронта, как тогда официально именовался Георгиевско-Прохладненский фронт.

Никогда не забыть Георгиевск тех лет — фронтовой незастороженный город. Штаб фронта размещался в специальном поезде, стоявшем на запасных путях. Обо мне доложили А. М. Беленковичу. Командующий был ранен в одном из боев и ходил на костылях. Он был сдержан и очень внимателен, слушая мой рассказ, несколько раз прерывал меня, интересуясь подробностями, которые, как и полагал, были не очень существенны, но почему-то заострили на себе его внимание. Потом Беленкович подвел меня к развешенной на стене вагона карте и посвятил в подробности сложившейся на фронте обстановки. Он сказал, что утром готовится большое наступление на Прохладную и что поэтому он занят и не может уделить мне больше времени. В соседнем вагоне его ждали командиры, с которыми он должен был встретиться перед операцией.

— А с вами мы поступим так, — резюмировал командующий нашу беседу. — Сейчас же поезжайте на бронепоезд. Расскажите товарищам о внутреннем и международном положении республики, разъясните им наши задачи. Ничего не скрывайте. Наша партия всегда говорит народу правду. Светлое будущее завоевывается в трудной борьбе, и во всякой борьбе возможны временные неудачи, даже поражения. Но коммунисты не отступают ни перед какими трудностями. Пусть бойцы знают, против кого они борются. Враг силен, коварен и беспощадеп.

Беленкович крепко пожал мне руку, и мы расстались. Уходя от него, я уже совершенно ясно представлял себе круг своих задач, знал не только нужды фронта, но и людей, с которыми мне предстояло работать.

Было уже совсем темно, когда я добрался до бронепоезда. Большая стальная крепость стояла на рельсах, грозно оцетинясь пушками и пулеметами. У насыпи горели костры, вокруг которых сидели красноармейцы. Слы-

шались смех, шутки, веселые переборы гармоника. Я успел заметить, что настроение у бойцов бодрое, все возбуждены предстоящим боем.

Командир бронепоезда № 25 Николай Андреевич Падалькин встретил меня на подножке вагона. Он о чем-то беседовал с двумя бойцами, пересыпая свою речь острыми шутками. Чувствовалось, что его уважают, что он пользуется среди бойцов заслуженным авторитетом. Увидев меня, он со словами: «А вот и комиссар» — шагнул мне навстречу.

Наша беседа затянулась далеко за полночь, а утром я был разбужен ржанием лошадей и бряцанием оружия. Наступление, которого все так долго ждали, началось. Справа и слева от железной дороги потянулись на Прохладную красные отряды. Впереди заухали разрывы снарядов, часто заговорили пулеметы.

Воспользовавшись неожиданностью, наши части в то утро прорвали оборону белых и вышли к станции Солдатской, но здесь противник, оправившись от первого удара, успел сосредоточить крупные силы, и наступление было приостановлено. Подтянув свежие резервы, враг перешел в контратаку. Завязались ожесточенные бои, в которых отличились своим мужеством отряды Красной армии из Пятигорска и Кисловодска, бронепоезд под командованием Падалькина, Георгиевский батальон, а также конный отряд М. Г. Ильина, кубанского казака из станицы Суворовской.

Противник поставил перед собой задачу овладеть Георгиевском с его арсеналом и пороховыми складами, поставить под угрозу города Пятигорья. В бой были брошены крупные неприятельские силы, артиллерия, казачьи части. Бойцы бесстрашно отражали атаку за атакой. Делалось все возможное, чтобы приостановить начавшееся отступление, закрепиться на Зольских высотах, что в десяти километрах от Георгиевска. Пятигорский окружной Совет рабочих, казачьих и крестьянских депутатов и Георгиевский комитет РКП(б) направляли в окопы коммунистов, чтобы те прямо на месте руководили обороной, разъясняли бойцам их задачи.

На помощь к нам уже спешили новые отряды из городов Пятигорья, из Минеральных Вод, Святого Креста, Новинномысской. Мы знали об этой поддержке, знали о важности поставленной перед нами задачи и прилагали все

силы, чтобы выдержать, чтобы устоять любой ценой до подхода подкреплений.

Но обстановка на фронте под Георгиевском осложнялась отсутствием единства действий между А. М. Беленковым и командиром кубанского конного отряда М. Г. Ильиным. Пятигорский окружной Совет поддерживал Беленковича, а Ильин ориентировался не столько на местные органы Советской власти, сколько на главнокомандующего Сорокина. Кроме того, немаловажную роль в этой распри сыграли также и личные качества Ильина. Храброму казаку, находившемуся во время боев в самой гуще схватки, часто казалось, что Беленкович отдает неправильные приказы, что он слишком осторожен и нерешителен, вследствие чего наши части и терпят тяжелые поражения. Ильин был предан Советской власти, но очень слабо разбирался в теории военного дела.

Политработники часто беседовали с Ильиным, приходилось беседовать с ним и мне. Но он был вспыльчив, часто до безрассудства, мог оскорбить командующего и даже отказываться выполнять его приказание. Настроение командира, естественно, передавалось и его бойцам. Они тоже относились к командующему с недоверием.

Ильина раздражало в Беленковиче буквально все. Он не мог представить себе, как можно руководить боевыми операциями, не находясь среди красноармейцев, не разделяя с ними поровну трудностей нелегкой фронтовой жизни. Действительно, Беленковича нельзя было увидеть на передовой с шашкой наголо перед строем поднявшихся в атаку бойцов. В вопросах тактики он разбирался неплохо. В свое время, в июне 1918 года, Беленкович быстро и решительно подавил выступление контрреволюционных казачьих отрядов, пытавшихся свергнуть во Владикавказе власть Терского совнаркома. Разбирался он и в обстановке, сложившейся на Северо-Западном фронте. Однако белые наступали, недовольство действиями Беленковича росло, и он был в конце концов отстранен от должности. На его место назначили Ильина, а меня утвердили военнополитическим комиссаром фронта.

В Пятигорском окружном Совете мне вручили инструкцию и мандат. Ильин внимательно ознакомился с документами, некоторое время помолчал и наконец заметил, что все в порядке, лишь один пункт инструкции не внушает ему доверия. Это был пункт, в котором говорилось,

что ни один приказ командующего фронтом без подписи комиссара не является действительным.

Я разъяснил ему, почему политические комиссары пользуются такими правами, и добавил, что это решение высших органов партии и Советской власти и что он обязан им подчиниться. Было видно, что Ильину это пришлось не по душе, однако возражать он не стал, так как знал, что я командирован для политической работы в частях Красной Армии.

Теперь, на посту военного комиссара, времени у меня стало еще меньше, работы больше, а спать приходилось по четыре-пять часов в сутки.

Лето в тот год выдалось сухое, солнечное; осень тоже обещала быть хорошей. Часто среди дня, а иногда и ночью я пробирался в окопы, где подолгу беседовал с бойцами и командирами, говорил им о задачах нашей партии, о ее программе, о земельной политике и международном положении. Все мы жили тогда неиссякаемой верой в победу, но нам не хватало опыта, у нас было мало боеприпасов, вооружения и одежды. Достаточно сказать, что на одного бойца приходилось не больше десяти — двадцати патронов, чтобы представить себе общую обстановку, сложившуюся к тому времени на нашем фронте.

Пришлось искать выход, и он был найден. Не помню, кто предложил наладить собственное производство патронов. За эту мысль живо ухватились. Пороху у нас было в избытке — мы даже снабжали им патронные мастерские Армавира, Пятигорска и Ставрополя. Хуже обстояло дело с помещением и специалистами, которые взялись бы на свой страх и риск за осуществление нашей идеи.

Однажды ко мне в вагон зашел Андрей Юрин, коммунист из Питера, и попросил выдать продовольствие для рабочих патронных мастерских, прибывших из Армавира на станцию Георгиевск. Я обрадовался. Это было как раз то, что мы искали.

— Веди их ко мне! — сказал я Андрею и познакомил его со своим замыслом.

Юрин привел рабочих, и я поручил ему организовать производство патронов прямо в Георгиевске — сначала на колесах, в железнодорожных вагонах, а затем, при первой возможности, перебазироваться в арсенал, где в это время ремонтировали орудия, пулеметы и винтовки.

Андрей Юрин был отличным организатором. Сам по специальности токарь, старый партиец, отбывший в Сибирь царскую каторгу и вернувшийся в Петроград в 1917 году, он быстро нашел подход к людям, сумел зажечь их своей энергией. Производство было налажено в самые кратчайшие сроки — до тысячи патронов в день! Но качество их оказалось не совсем хорошим. Однако это была вина не Юрина — вина целиком и полностью ложилась на несовершенство технологического процесса. При всех своих недостатках юринские патроны оказали нам очень хорошую услугу. Пользовались мы ими до тех пор, пока не было полностью налажено снабжение.

Что же касается Юрина, то он впоследствии стал моим заместителем, участвовал во многих боях и находился со мной на фронте до весны 1919 года. Весной нас обоих свалил тиф.

Но вернусь к описываемым событиям. Как я уже говорил, хуже всего в ту пору обстояло дело с обувью и обмундированием. Бойцы пообносились, наступали холода, и склады были пусты.

Мы создали в Георгиевске сапожные и пошивочные мастерские, но производительность их была невелика — обуви и одежды не хватало по-прежнему. Стали собирать одежду среди населения курортных городов. В окопах появились бойцы в белых крахмальных рубашках, в черных пиджаках и пиджонских брюках. Это вызывало смех и множество шуток, но так или иначе временно проблема была разрешена.

А впереди стояло еще множество других проблем, и самой важной из них было укрепление высокого морального духа армии. Большая ответственность ложилась на плечи коммунистов. На них опиралось командование, они были костяком, вокруг которого сплачивались массы.

Ежечасно, ежеминутно, под артиллерийским обстрелом, в рукопашном бою, в длинные зябкие осенние ночи, коммунисты были с красноармейцами, беседовали с ними, делили их радости и горести. Они несли им ленинскую правду, вселяли веру в победу, учили стойкости и преданности делу Коммунистической партии.

Многочисленные митинги на передовой пропали тридцатого августа в связи с покушением на Владимира Ильича Ленина. Надо было видеть возмущенные лица красноармейцев! Выступая перед товарищами, они клей-

мили врагов революции, требовали для них сурового наказания и клялись не отступить от завоеваний революции. Говорили до позднего вечера, дымили во тьме cigarками, а утром бесстрашно отбивали атаки белой конницы.

Любые попытки врага прорвать нашу оборону неизменно заканчивались неудачей.

Красноармейцы верили в командование фронта, верили своим командирам. И это было немалой заслугой комиссаров и политработников. Но не только их одних — большую помощь им оказывали коммунисты, имевшиеся почти в каждом отряде, на каждом участке фронта. Особенно это касается Георгиевского батальона, в котором насчитывалось несколько десятков членов партии. Внимательно следили за нашей работой Пятигорский окружком партии и Георгиевский городской комитет РКП (б).

Пятигорский окружком, например, наладил регулярную доставку газеты «Известия ЦИК Северо-Кавказской республики и Пятигорского совдепа». Газеты эти прямо с подвод мы направляли в окопы, чтобы красноармейцы были в курсе всех политических событий.

Иногда на страницах «Известий» появлялись и мои заметки, а однажды был напечатан «Ответ» белоказачьим офицерам на их листовку, заброшенную к нам с целью разложения бойцов.

«Имя красноармейца для нас свято, потому что мы совершаем святое дело освобождения угнетенных, — говорилось в нем. — Врете вы, николаевские палачи, что Советская власть продала революцию и социализм императору Вильгельму. Наоборот, вы, кровоопийцы народа, обнялись с Вильгельмом. Не ваши ли братья генералы с погонами Краснова и Скороспасского пригласили Эйхгорна и К° снова закабалить трудовой народ и уничтожить Советскую власть на Украине...

Нам одинаково дороги интересы рабочих Турции, Китая и всего остального мира. У нас есть только сплоченная пролетарская масса и вера в партию коммунистов-большевиков, истинных борцов за социализм, освободителей рабов всего мира.

От вас исходит ложь и подлая клевета. В ваших воззваниях — гнусный обман и провокация. Напрасны ваши труды: агитацией вам не сломить нашу армию, а ваши воззвания принесут вам, контрреволюционерам, смерть.

Трудовой казак, к нам!»

Особенно много внимания в тот период нам приходилось уделять укреплению дисциплины на фронте, где еще бывали случаи отказа от выполнения боевых приказов.

В конце августа Ильин и комиссар Н. Михеев уехали из Георгиевска на Кисловодский боевой участок для отряжения палетов белой конницы Шкуро. Новый командующий фронтом Маслович отдал приказ о перегруппировке батальонов 2-го Свято-Крестовского полка. Прошло некоторое время, а приказ так и остался невыполненным. Командир полка П. Ларюк доложил, что роты отказываются исполнять приказание.

Мы немедленно связались с командующим, однако Маслович заявил мне, что его дело отдавать приказы, а дело политического комиссара заставить войска выполнять их. И молча повернулся и приказал следовавшему за мной Ларюку собрать представителей от рот вместе с командным составом у железнодорожной будки, расположенной в полутора километрах от линии наших окопов. Сам я сел на паровоз и через полчаса был на месте.

Ко мне на подножку вскочил Ларюк. Он был возбужден и очень бледен. За его спиной у будки я увидел около пятидесяти человек с винтовками. Бойцы были построены мною подружелью.

В таких случаях все решают какие-нибудь доли секунды. Самое главное — не упустить из своих рук инициативу. Не исключено, что среди этих пятидесяти заблуждающихся бойцов есть провокатор. Против него-то и следует направить острие своего выступления.

Я обратился к красноармейцам с горячим призывом немедленно выполнить боевой приказ:

— Красная Армия сильна железной дисциплиной. Приказы не выполняет тот, кто не понимает этой простой истины. Тем самым он оказывает невольную услугу контрреволюции. Сегодня невыполнение приказа грозит ослаблением боевого участка, завтра оно может привести к более тяжелым последствиям. Без железной дисциплины и ряды Красной Армии мы не сможем удержать в руках Советскую власть, на трон вернется царь, помещики и капиталисты снова сядут на нашу шею, отнимут у нас завоеванные кровью и потом землю, фабрики и заводы.

В заключение я сказал:

— Кто не хочет выполнять приказ, должен сдать оружие.

Некоторое время у будки стояла глубокая тишина, потом послышались громкие выкрики. Никто не хотел сдавать оружие, все были готовы отдать жизнь за Советскую Родину.

Вперед вышел высокий бородатый мужчина в потрепанной шинели, по виду рабочий, и сказал, что он от имени всех заверяет меня в том, что боевой приказ, отданный командованием, будет немедленно выполнен. Ларюк, приободренный его словами, немедленно построил бойцов и отправился с ними на позиции.

Георгиевско-Прохладненский фронт укреплялся новыми боевыми частями, которые направляли к нам Пятигорский окружной комитет РКП(б) и командование военным округом. Еще ранее к нам был переброшен 2-й Свято-Крестовский пехотный полк, об инциденте в котором я только что рассказал. Полк этот был укомплектован в основном крестьянами-ставропольцами из сел Свято-Крестовского уезда. Впоследствии нам разрешили развернуть его в два полка, а затем и в пехотную дивизию. В сводках и боевом расписании она у нас формально так и значилась, но фактически дивизия не была сформирована до конца.

В сентябре 1918 года на нашем фронте имелись уже следующие части: 2-й Свято-Крестовский полк, Георгиевский батальон, Пятигорский, Кисловодский, Ессентукский и Железноводский отряды, Александровский батальон, Георгиевская, Владикавказская, Государственная артиллерийская батарея, артдивизион и пулеметные команды. Временами к ним приходили на подмогу батальоны Красного и Дербентского пехотных полков с пулеметами и орудиями. Немало хлопот приносил белым и наш бронепоезд, тот самый бронепоезд под командованием Николая Андреевича Паладжина, на который я впервые прибыл теплым июльским вечером для проведения беседы, порученной мне Беленковичем. Бронепоезд этот был вооружен семью орудиями и пятнадцатью пулеметами, что являлось довольно внушительной по тому времени силой.

Общая численность наших войск на Георгиевско-Прохладненском фронте составляла примерно три с половиной тысячи пистолетов, восемьсот сабель, двадцать орудий и сорок пулеметов.

Добрый словом хочется упомянуть и отряд станицы Государственной под командованием казака В. И. Ку-

чуры, явившегося в конце августа восемнадцатого года в штаб фронта и обратившегося к командующему Ильину с просьбой выдать его отряду оружие и боеприпасы. Ильин сам не рискнул решить этот вопрос и направил Кучуру ко мне. Дело в том, что многие казаки Терской области восстали против Советской власти и ушли к белым. Естественно, доверяя им не было — в то же время было бы опрометчиво оттолкнуть массы, потянувшиеся к новой жизни.

Беседовали мы за чашкой чая, при тусклом свете керосиновой лампы. Кучура рассказал мне, как в станице Государственной готовилось выступление против белоказаков, какие люди вошли в отряд и созданный в станице Совет казачьих и крестьянских депутатов. Кучура произвел на меня очень хорошее впечатление, а когда я познакомился с бойцами его отряда, последние сомнения рассеялись.

Мы решили выдать отряду Кучуры некоторое количество винтовок, несколько пулеметов и орудий с боеприпасами. Обеспечить его полностью мы не могли, потому что сами, как я уже писал, сидели на голодном пайке. Но и эти несколько десятков винтовок дали Кучуре возможность значительно пополнить численность отряда, поднять его боевой дух и уже в первых боях проявить себя умелым командиром, способным выполнить любую поставленную перед ним задачу.

Вскоре в состав отряда станицы Государственной вошла рота пластунов станицы Солдатской под командованием казака М. Ф. Лукина. Из Солдатской же прибыла еще одна группа казаков во главе с коммунистами В. О. Игнатенко и Т. В. Зенковским.

Пополненный таким образом отряд В. И. Кучуры был сосредоточен на левом фланге Георгиевско-Прохладненского фронта и своими активными действиями создавал противнику постоянную угрозу в направлении Прохладной.

К тому времени белые уже овладели Золкинскими высотами, растянув линию фронта от станицы Урухской через хутор Старо-Марьинский, высоту 1148 и Марьинскую станицу до реки Малки. Позиции противника были удобны, местность отлично простреливалась на много километров вокруг высот, которые он занимал. Так как несколько попыток белых прорвать линию нашей обороны

закончились полной неудачей, они притаились, ожидая удобного случая. Траншеи их были подготовлены к продолжительной позиционной войне: деревянные настилы, блиндажи, долговременные огневые точки. В окопах попеременно сменялись казачьи отряды и полки из соседних станиц. Командовали этими полками генерал Э. Мистулов, осетин по национальности, казак по сословию; полковник Серебряков, кабардинский князь; полковники Терского казачьего войска Вдовенко, Федюшкин, Агосев, Боргунов...

Численность противника доходила до четырех тысяч сабель и штыков при сорока артиллерийских орудиях и значительном количестве пулеметов. Враг был отлично обмундирован, патронов не жалел, осыпая наши позиции градом пуль. Окопы наши, расположенные в двух километрах ниже окопов противника, хорошо просматривались и поэтому все время приходилось быть начеку. Начеку приходилось быть и потому, что воевали мы без резервов, стыки между отрядами слабо охранялись и постоянно создавали угрозу прорыва фронта.

А сейчас, охарактеризовав общую обстановку в районе Георгиевска, мне хочется рассказать об одном инциденте, закончившемся моим знакомством с одним из замечательных большевиков — председателем ЦИК Северо-Кавказской республики А. А. Рубиным.

За три дня до этого знакомства по постановлению Реввоенсовета Северного Кавказа был расстрелян за невыполнение боевого приказа командующий Таманской армией И. И. Матвеев. Это была слишком суровая и малооправданная мера в отношении одного из самых популярных командиров Красной Армии. А через два дня аналогичная угроза нависла надо мной и командиром бронепоезда № 25 Падалкиным.

Случилось это следующим образом. 13 октября 1918 года штабом Георгиевско-Прохладненского фронта было получено приказание главнокомандующего Сорокина разделить бронепоезд № 25 на две части, причем одну часть снять с фронта и направить в Пятигорск в распоряжение Сорокина. Прекрасно понимая, что разделение бронепоезда фактически равнозначно его полной потере, команда отказалась выполнить приказ.

Командующим фронтом в ту пору был Маслович, сменивший на этом посту погибшего в схватке с конницей Шкуро М. Г. Ильина. Маслович, как и в инциденте с пере-

группировкой батальонов 2-го Свято-Крестовского полка, уклонился от каких-либо личных распоряжений.

Неожиданно 14 октября, то есть буквально на другой день после того, как поступил приказ, на станцию Георгиевск прибыл на паровозе представитель Пятигорского военного округа, командированный к нам лично Сорокиным. В устной форме он передал нам приказ Сорокина о нашем аресте. Арестованы были я и Падалкин. Характерно, что ответственность за невыполнение боевого приказа была возложена именно на политического комиссара и командира бронепоезда, а не на командующего фронтом.

Мы сели на тот же паровоз и вечером прибыли в Пятигорск. Нас затребовал к себе председатель Реввоенсовета армии Я. В. Полуян. Едва только мы вошли, как он обрушился на нас с обвинениями в партизанщине и анархии, недвусмысленно угрожая расстрелом.

— Вспомните Матвеева, — мрачно сказал Полуян. — Вас постигнет та же участь.

В это время дверь в кабинет Полуяна стремительно отворилась и мы увидели плачущего от негодования Сорокина.

— Развал дисциплины! Анархия! — кричал он. — Немедленно отдать в военный трибунал! Расстрелять!

Слово «расстрелять» он повторил раза три. Видимо, участь наша была уже решена. Мы пытались оправдаться, но ни Полуян, ни Сорокин не желали нас слушать. Наконец я попросил разрешения пойти на прием к председателю ЦИК Северо-Кавказской республики А. А. Рубину.

В это время Сорокин вышел, и Полуян, подумав, согласился.

Падалкин остался в Реввоенсовете, а я немедленно отправился в отель «Бристоль», где помещался ЦИК.

Не прошло и пяти минут после моего прихода, как дверь отворилась и секретарь спокойным голосом предложил мне войти в кабинет. Я с некоторым волнением переступил порог и увидел шагнувшего мне навстречу плотного, невысокого роста мужчину с бритой головой и теплыми улыбчивыми глазами. Рубин дружески пожал мне руку, задержал ее в своей и предложил сесть в кресло перед столом.

Первым заговорил он сам.

— Я очень рад, — сказал Рубин, — что вы наконец-то зашли ко мне. Товарищи Мамсуров и Атабеков рассказы-

вали очень много лестного о вашей работе на Георгиевско-Прохладненском фронте.

Я попытался было изложить сущность своей просьбы, но Рубин снова не дал мне сказать ни слова. Задумчиво постукивая по столу остро очищенным карандашиком, он стал говорить о том, что на войска нашего фронта будет возложена очень сложная и ответственная задача. Разработан конкретный план широкого наступления на белогвардейцев, которое должно завершиться полным разгромом бичераховской казачьей контрреволюции, взятием Прохладной и Моздока и оказанием помощи грозненскому пролетариату, попавшему в окружение белоказачьих войск.

Рубин пристально посмотрел на меня, как бы оценивая, выдержу ли.

— Наступает зима, — продолжал он, — запасы нефти на исходе. Без грозненской нефти нам не пережить холодов. Вы, как военно-политический комиссар фронта, должны сделать абсолютно все, чтобы в двухнедельный срок накопить как можно больше боеприпасов, поднять политико-моральное состояние войсковых частей...

Рубин задумался и добавил:

— Что касается живой силы, то мы перебросим на ваш участок хорошо подготовленные резервы.

Разговор этот был для меня неожиданностью. В Реввоенсовете только что угрожали немедленным расстрелом, председатель ЦИК ставит передо мной важные боевые задачи.

Я ждал момента, чтобы сообщить о той трагической причине, которая привела меня в этот кабинет. Рубин, видимо, тоже почувствовал, что меня что-то волнует, и дал мне возможность высказаться. Я рассказал обо всем по порядку. Подробно остановился на разговоре в Реввоенсовете армии, на угрозах и оскорблениях, которыми осыпали нас с Падалкиным Сорокин и Полуян.

По мере того как я рассказывал, лицо Рубина становилось все более хмурым. Наконец он встал и взволнованно прошелся по кабинету.

— Вы правильно сделали, что пришли ко мне, — сказал он, снова садясь к столу.

В этот момент в кабинет вошли секретарь крайкома партии В. Крайний и военный комиссар Пятигорского округа С. Мамсуров. Товарищ Крайний был высокого ро-

ста, худощав, рыжеволос, на носу — взблескивающее острыми стеклышками пенсне. С ним я виделся впервые. Что же касается Мамсурова, то я десятки раз встречал его в Пятигорске, так как, будучи комиссаром фронта, был связан с ним по службе.

Мы поздоровались, и, едва только вошедшие сели, Рубин сказал, кивая в мою сторону:

— Представьте себе, Сорокин собирается расстрелять комиссара Сухорукова и командира бронепоезда Падалкина. Как вам это нравится?!

И тут же ввел их в существо конфликта. Лица товарищей посуровели. Видимо, инцидент этот не был для них неожиданностью. Резко встав, Мамсуров бросил:

— Если Сорокин расстреляет Сухорукова, мы расстреляем Сорокина.

Фраза эта до сих пор звучит в моих ушах. Тогда же она не сразу дошла до моего сознания. Лишь несколько позже я понял, что между руководством ЦИК и крайкома партии с одной стороны и главкомом Сорокиным — с другой существуют глубокие расхождения по существу важнейших вопросов, что незаконные действия Сорокина вызывают в руководстве партии серьезные опасения. Кто мог подумать, что через неделю и Рубин, и Крайний сами падут жертвой сорокинского произвола!..

Выслушав эту довольно-таки резкую реплику Мамсурова, Рубин кивнул ему и поднял телефонную трубку.

— Соедините меня с Полуяном, — попросил он.

Не знаю, что говорил ему Полуян. Рубин не горячился, не угрожал. Он совершенно спокойным тоном предложил Полуяну немедленно вернуть меня и Падалкина в Георгиевск для продолжения работы на прежних должностях.

Заключив разговор, председатель ЦИК положил трубку.

— Все в порядке, — сказал он. — А для того чтобы вам здесь не задерживаться в ожидании попутного паровоза, берите мою машину. Вам необходимо сегодня же быть в Георгиевске.

Я поблагодарил товарищей Рубина, Крайнего и Мамсурова за оказанное мне доверие и за поддержку, распростался с ними и немедленно отправился в Реввоенсовет выручать Падалкина. Настроение у меня было бодрое, я знал, что прав, и шел теперь к Полуяну с высоко поднятой головой.

Однако в Реввоенсовете меня ждала еще одна неприятная неожиданность. Команда бронепоезда № 25, узнав об аресте своего командира и военного комиссара фронта, сиялась с боевых позиций и, подняв пары, двинулась на Пятигорск. Остановившись в пяти километрах от города, на Лермонтовском разъезде, заместитель командира бронепоезда Зеленский связался по телефону со штабом Сорокина и предъявил ему ультиматум: если через полчаса комиссар и командир не будут освобождены, бронепоезд открывает огонь по штабу.

Полуян встретил меня новыми упреками.

— Вот новое доказательство вашей виновности, — запальчиво сказал он. — И высшая мера наказания в отношении вас была бы хорошим уроком для других.

Действительно, команда бронепоезда поступила опрометчиво. Самовольное оставление боевого поста, ультимативное требование нашего освобождения, угроза открытия артиллерийского огня — все это даже по тому времени выглядело как явление совершенно ненормальное. Так я и расценил этот факт недисциплинированности и осудил его в присутствии Полуяна. Затем я заявил ему, что причин для особых волнений нет, взял трубку телефона и связался с бронепоездом. Мне ответил Зеленский. Я приказал ему немедленно вернуться на фронт.

— А как же вы? — спросил Зеленский.

— Мы свободны, — сказал я. — Через десять минут выезжаем в Георгиевск на автомашине.

Зеленский успокоился.

— Ваш приказ будет выполнен, — заверил он.

Действительно, как мне стало известно, бронепоезд тут же покинул Лермонтовский разъезд. Однако мы опередили его на автомашине и прибыли в Георгиевск раньше на полчаса.

Инцидент, казалось, был исчерпан, правда восстановлена, но разговор в кабинете Рубина ни днем, ни ночью не выходил у меня из головы.

Приглядываясь к действиям главкома, оценивая события последних месяцев, я все более и более задумывался над тем, к чему приведет авантюристический курс, избранный Сорокиным. Партийное руководство его осуждало, но он все меньше и меньше считался с его мнением.

Видимо, необходимы были какие-то решительные и очень радикальные меры — Сорокин еще пользовался

авторитетом в армии, и авантюризм его мог закончиться трагически для всей Северо-Кавказской республики. Расстрел Матвеева был наглядным подтверждением этих опасений.

Между тем трагическая развязка назревала с молниеносной быстротой. 22 октября 1918 года в штабе Георгиевско-Прохладненского фронта была получена телеграмма за подписью Сорокина, в которой он извещал о расстреле им членов ЦИК Северо-Кавказской республики А. Рубина, В. Крайнего, С. Дунаевского и Б. Рожанского якобы за то, что они являлись тайными агентами генерала Деникина. Сорокин предлагал беспрекословно подчиняться ему и выполнять только его распоряжения.

Новость была неожиданна. Вместе с тем она требовала немедленного принятия решения: либо с Сорокиным, либо против него. Другого пути не было.

Для меня вопрос был решен сразу. Необходимо было выяснить позицию личного состава штаба, а так как почти все в момент принятия телеграммы находились в вагоне, я тут же зачитал ее. Мой помощник Андрей Юрич и политработник Т. В. Зенковский, стоявший рядом с ним, побледили; командующий фронтом Маслович никак не реагировал на телеграмму. Он продолжал сидеть, слегка откинувшись на спинку стула, с безразличным, каменным лицом.

— Расстрел ответственных работников ЦИКа, — сказал я, — является прямым вызовом Советской власти. Сорокин делает черное контрреволюционное дело, и нам с ним не по пути.

Затем я повернулся к Масловичу и, зная его симпатии к Сорокину, предложил сделать выбор: либо Сорокин, либо Советская власть и Коммунистическая партия. Такого поворота дела Маслович явно не ожидал. Он напряженно выпрямился на стуле. Каменное лицо его покрылось красными пятнами. В вагоне воцарилась мертвая тишина.

Наконец Маслович поднялся и, стараясь держаться возможно спокойнее, заявил, что сдает мне, как комиссару, командование, а сам уезжает из Георгиевска.

Сейчас, оценивая события тех лет, я часто вспоминаю нашу беседу в штабном вагоне, вспоминаю лица моих товарищей, их твердое решение остаться верными своему революционному долгу. Мы шли на сознательный риск, но для нас не было другого выбора. Как коммунисты, мы

должны были до конца оставаться на своем посту, если нужно — погибнуть, но и смертью своей утверждать на земле правое дело нашей партии.

Георгиевский горком партии целиком и полностью поддерживал наше решение. На следующий же день по всему городу были расклеены листовки, извещавшие население об аванюре Сорокина и о моем назначении командующим фронтом. Ушел со своего поста близкий Сорокину председатель чрезвычайной комиссии Маркарянц. Мы немедленно информировали о нашем решении пятигорские партийные и советские органы. Георгиевск стал убежищем для всех партийных и советских работников, подвергшихся репрессиям со стороны распоясавшегося Сорокина.

Время было тревожное. Андрей Юрин держал постоянную связь с Георгиевским горкомом партии, и в частности с Ф. Я. Воликом. Всю ночь звонили телефоны, люди спрашивали о новостях. Но новостей пока не было, и успокоить людей нам было нечем.

Лишь рано утром 23 октября, то есть на следующий день после получения телеграммы Сорокина, Юрин сообщил мне, что из Пятигорска приехал специальный представитель от окружного военкома С. Г. Мамсурова. Мне предлагалось прибыть в тот же день к пяти часам вечера в Пятигорск, в отель «Бристоль», где состоится совещание узкого круга ответственных лиц без указания повестки дня.

Надев свою неизменную кожаную куртку, с маузером через плечо, я на паровозе точно в указанное время прибыл в Пятигорск. Меня проводили в специально отведенную для совещания комнату, где я увидел С. Г. Мамсурова, М. Блока, Мильду Булле и других хорошо знакомых мне терских работников. Когда я поздоровался со всеми, Мамсуров подвел меня к коренастому темноволосому мужчине с внимательными добрыми глазами, которые, казалось, видели все насквозь, и мягкой улыбкой в уголках чуть вздернутых губ.

— Сергей Миронович Киров, — сказал Мамсуров.

Товарищ Киров энергично пожал мне руку.

— А о вас, товарищ Сухоруков, я уже слышал, — сказал Сергей Миронович.

Потом он поинтересовался моим здоровьем. Очевидно, его ввела в заблуждение бледность моего лица, но это было просто результатом хронического недосыпания. Все мы тогда спали очень мало.

Между тем Мамсуров пригласил прибывших на совещание к столу. Мы молча расселись. Мамсуров, подождав минуту, кратко информировал нас о преступлении Сорокина. Все уже знали об этом, но не могли сдержать возгласов возмущения.

— Сорокина необходимо устранить. Я предлагаю план, — сказал Мамсуров.

Суть его плана заключалась в следующем: взорвать поезд Сорокина специально подготовленной саперной командой, когда он, следуя на фронт, будет проезжать станцию Нагутскую. В ходе обмена мнениями, насколько я помню, возражений по плану не было и его приняли единогласно. Мамсуров получил санкцию — реализовать план в самые кратчайшие сроки.

После совещания мы еще некоторое время оставались в «Бристоль», в неофициальном порядке обмениваясь мнениями о том, к каким последствиям может привести авантюра Сорокина. Лишь глубокой ночью я возвратился в Георгиевск, выслушал в штабе информацию о положении на фронте и направился к себе в вагон, чтобы хоть немного вздремнуть в оставшиеся до рассвета часы.

Однако я долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. Я прекрасно понимал, какой смертельной опасности подвергали себя оставшиеся в Пятигорске товарищи. Ведь Сорокин все еще был на посту главкома войск Северного Кавказа и мог в любую минуту расправиться со своими противниками так же, как он сделал это с Рубиным, Крайним, Дунаевским и Рожанским.

Настало утро, но тревожных новостей из Пятигорска не поступало. Значит, Сорокин ни о чем не догадывался.

Прошло еще несколько дней. Я все время ждал сообщения об осуществлении плана ликвидации Сорокина. Но Мамсуров молчал. Как потом выяснилось, дело Сорокина приняло другое направление. По предложению оставшихся в живых членов ЦИК Северо-Кавказской республики и крайкома РКП(б) был созван Чрезвычайный съезд представителей Советов и фронтовиков, который и должен был решить судьбу пошедшего по преступному пути главкома. Предложение это было поддержано командиром 1-й колонны в Армавире И. Ф. Фелько, 9-й колонны Я. Ф. Балахоновым, командиром кавалерийской бригады И. А. Кочубеем, командиром кавалерийской дивизии

Г. А. Кочергиным, командованием Таманской армии, Ставропольского корпуса и других воинских частей.

27 октября делегаты съезда собрались в станице Невинномысской. Для их охраны с фронта прибыла кавалерийская часть под командованием Г. А. Кочергина. В тот же день, не дожидаясь формального открытия съезда, фракция коммунистов разослала постановление, в котором Сорокин отстранялся от должности главкома и объявлялся вне закона.

Решение это было вручено Сорокину на станции Курсавская. Главком направлялся на съезд в сопровождении инженерного батальона и своего личного конвоя. Узнав о том, что судьба его решена, Сорокин пытался скрыться. С сотней верных людей он бежал в Ставрополь, но был задержан там командованием Таманской армии. 3 ноября 1918 года его расстреляли.

Так бесславно закончилась жизнь этого бывшего казачьего офицера, возмнившего себя маленьким Бонапартом. У истории свои законы, свой путь. И никакая авантюра Сорокина не могла остановить мужественной борьбы нашего народа против наседавшего на него врага.

Красная армия Северного Кавказа во главе со своими командирами и политработниками продолжала отражать атаки Деникина и терской контрреволюции. Коммунисты Георгиевско-Прохладненского фронта тщательно подготавливали войска к наступлению на Прохладную. Новый командующий Красной армией Северного Кавказа И. Ф. Федько оказывал войскам всемерную помощь в предстоящем выполнении поставленной перед ними ответственной боевой задачи.

Наконец было принято решение: наступление на Прохладную приурочить к первым числам ноября. В связи с этим на наш правый фланг была переброшена стрелковая дивизия в составе четырех пехотных полков и одного кавалерийского под командованием Г. И. МIRONЕНКО. Политическим комиссаром у него был Н. С. НИКИФОРОВ.

На совещании командиров был выработан план наступления. Георгиевско-Прохладненский фронт переименовывался в Георгиевский боевой участок, начальником которого назначили В. И. КУЧУРУ, а я остался военно-политическим комиссаром.

По плану, выработанному на совещании, стрелковая дивизия под командованием МIRONЕНКО, пополненная ша-

риатским и нальчикским конными полками, должна была нанести удар по противнику справа во фланг, наступая на станицы Зольскую и Маринскую, затем вдоль реки Малки на Солдатскую и далее на Прохладную. Перед самым наступлением эту дивизию переименовали в Первую ударную советскую Шариятскую колонну.

Перед отрядом Государственной станицы стояла другая, не менее важная задача. Он должен был на рассвете 5 ноября атаковать противника слева и ударить во фланг из станицы Урухской на Новопавловскую. В то же время сильно поредевшая 2-я Свято-Крестовская дивизия, Георгиевский батальон и сводный Пятигорский отряд должны были броситься на штурм вражеских позиций с фронта.

В приподнятой обстановке готовящегося наступления очень важно было объяснить красноармейцам поставленные перед ними боевые задачи, связать их с общими задачами, стоящими перед фронтом. Ко всем нашим войскам, к бойцам и командирам обращался через командование Южного фронта Владимир Ильич Ленин. Он призывал оказать немедленную военную помощь осажденному белоказачьими полчищами городу Грозному, его доблестному защитнику — обливающемуся кровью грозненскому пролетариату.

Трудностей было много. Все еще не хватало одежды, обуви, боеприпасов. В окопах было сыро, надвигались зимние холода. Решить все трудности можно было, только разгромив врага, восстановив Советскую власть на территории всей Терской области, возобновив прерванное белыми сообщение через Кизляр с Астраханью.

И вот наступило утро 5 ноября. С криком «ура» командующий В. И. Кучура, все командиры, политработники и коммунисты, встав по сигналу во весь рост, вышли из окопов и личным примером увлекли за собой в атаку красноармейцев. Белые открыли беспощадный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь, но, несмотря на это, им так и не удалось остановить наступление. Бойцы ворвались в неприятельские окопы на Зольских высотах, прорвали укрепленья и вышли в тыл артиллерии.

Тем временем, как и было предусмотрено планом, Шариятская колонна под командованием Г. И. МIRONЕНКО стремительно оттеснила белоказачьи полки от станицы Зольской к станице Маринской. Враг, не ожидавший уда-

ра, дрогнул и стал в панике отходить к Солдатской и далее на Прохладную.

Успех был полный. Отходя, неприятель бросал хорошо оборудованные окопы, орудия, пулеметы и боеприпасы, в которых мы так нуждались.

Командование белых, придя в себя после первой растерянности, пыталось нормализовать положение на Прохладненском участке фронта и срочно стягивало сюда подкрепления из-под Кизляра, Грозного и Моздока, но все было напрасно.

Фланговые удары Г. И. Мироненко и частей Георгиевского боевого участка разваливали линию вражеской обороны. Из района села Степное на станции Курская и Елиссея обрушились полки 1-й Свято-Крестовской дивизии под командованием С. С. Чугуева. Благодаря этому удару в короткое время была создана реальная угроза со стороны наших войск Прохладной и Моздоку.

Удар следовал за ударом. Наконец 9 ноября, преодолевая отчаянное сопротивление противника, наши части освободили Прохладную. Командующий белоказацкими войсками генерал-майор Мистулов покончил с собой, его труп был обнаружен в помещении поспешно покинутого офицерами штаба.

Казацкие части с вооружением и боеприпасами всюду переходили на сторону Красной Армии. Это было очень примечательно. Примечательно было и то, как дружелюбно встречало нас население освобожденных нами казачьих станиц. Я говорю «примечательно», потому что в период гражданской войны колебания казачества и крестьянства были общеизвестным фактом. Колебания эти определялись разнообразными причинами, среди которых немаловажную роль сыграла политика продразверстки, а также различного рода перегибы и случаи бестактности местных органов власти по отношению к трудящимся сел и казачьих станиц. В большей мере на настроение казачества и крестьянства влияли также успехи или временные неудачи Красной Армии. Когда мы били белых, как правило, трудовое крестьянство и казачество поддерживали Советскую власть, помогали продовольствием, лошадьми и транспортом.

Политработники Георгиевского боевого участка и Шариятской колонны во главе с ее политическим комиссаром Н. С. Никифоровым восстанавливали в освобожденных

станицах органы Советской власти, проводили большую работу по вовлечению добровольцев в ряды Красной Армии.

Развивая первый успех, наши части стремительно двинулись к Моздоку. 17 ноября на станции Котляревская произошла встреча подразделения Шариятской колонны с высланным из Владикавказа бронепоездом. Об этой встрече Г. К. Орджоникидзе, бывший в то время чрезвычайным комиссаром Юга России, телеграфировал в Москву, Владимиру Ильичу Ленину.

20 ноября мы вышли к Моздоку, последнему бастиону терской контрреволюции. В течение трех дней шла тщательная подготовка штурма. Наконец 23 ноября под натиском войск Шариятской колонны, Георгиевского и Свято-Крестовского боевых участков Моздок пал.

Через Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта нас поздравил с победой, одержанной на Тереке, В. И. Ленин.

Остатки белой армии отошли в Дагестан. Благодаря этому нами была установлена связь с 12-й армией. Теперь мы могли получить непосредственно из Астрахани обмундирование и боеприпасы.

Таким образом, задача, поставленная перед нашим боевым участком, была выполнена. Бойцы проявили образцы выдержки и героизма. Враг был разбит и отброшен за пределы Терской области.

Мы получили приветственную телеграмму от Г. К. Орджоникидзе, в которой он выражал искреннюю благодарность красноармейцам и командирам, участвовавшим в операциях по освобождению Прохладной и Моздока.

Приветствия поступали к нам также из Пятигорска. Вместе с тем нас нацеливали на продолжение борьбы, на укрепление боевого духа армии. Терек наш, но Кубань и Ставропольщина все еще в руках Деникина, Врангеля, Шкуро.

Главком Вооруженных Сил республики И. И. Вацетис и командование Каспийско-Кавказского фронта в Астрахани уже поставили перед Красной армией Северного Кавказа задачу по разгрому Деникина и освобождению Кубани и Ставрополья. В связи с этим мы получили приказ свести все части Георгиевского боевого участка в два полка, после чего немедленно начать их переброску на станцию Курсавская. Мы тут же приступили к выполнению приказа. В Моздок были поданы эшелоны.

Первым погрузился прославившийся в боях отряд Государственной станицы. Поезд тронулся. Однако, как нам вскоре стало известно, эшелон остановился в Георгиевске. Председатель Реввоенсовета Полуян, не поставив в известность командование боевого участка, разрешил отряду месячный отдых в родной станице.

Можно себе представить, с каким чувством возвращались казаки в Государственную! Но их ждали не белые хаты, не хлопцы с гармониями, не девочки-красавицы, оставленные ими перед уходом в Красную Армию. Белые жестоко отомстили их родной станице. Многие хаты были сожжены, дворы разграблены, расстреляны родные и близкие красных казаков.

Когда я, встревоженный, еще ничего не зная о данном Полуяном разрешении, поехал в станицу, глазам моим предстало зрелище всеобщего горя. Казаков невозможно было вытащить из Государственной. Они разыскивали разбежавшихся по соседним станицам родных, чинили сожженные и разбитые хаты.

Только здесь я узнал о предоставленном казакам месячном отдыхе и выступил перед ними на митинге, состоявшемся за околицей станицы. Говорил о зверствах белых, о классовой ненависти, о необходимости довести нашу борьбу до победного конца. Женщины плакали, казаки с сухими, недобро блестящими глазами требовали суровой расплаты.

Митинг закончился поздно вечером. Потом мы еще долго сидели в пропитанной махорочным дымом низкой горнице, говорили о трудной крестьянской жизни, о земле, о том, что будет в здешних местах лет этак через двадцать. Но о чем бы мы ни говорили, разговор все время возвращался к одному — скорее бы в бой. К мести зывали сожженные хаты и кровь замученных жен и матерей.

Возвращаясь в Моздок, я побывал еще в некоторых станицах, выступал перед казаками, рассказывал о трагедии, постигшей Государственную, призывал вступать в ряды Красной Армии.

В Моздоке меня ждала телефонограмма, предписывавшая мне немедленно выехать на станцию Курсавская. Вещей при мне почти не было, сборы были недолги.

По пути в Курсавскую я задержался в Пятигорске, чтобы повидаться там с руководящими товарищами из

политотдела армии и побеседовать с ними о моей будущей работе на Невинномысском боевом участке.

Здесь я снова встретился с Я. В. Полуяном, но теперь его отношение ко мне резко изменилось. Он дружески поздоровался со мной, провел в свой кабинет и стал увлеченно рассказывать об общей обстановке на участке, об организации в Астрахани Каспийско-Кавказского фронта в составе 11-й и 12-й армий, о переходе их в общее наступление против Деникина. Вместе с тем Полуян сетовал на плохое снабжение боеприпасами, обмундированием и медикаментами.

— Мало политработников, — сказал Полуян. — Не хватает политической литературы. Но мы возлагаем большие надежды на помощь из Астрахани.

Мы все тогда ждали из Астрахани подкреплений. Я согласился с Полуяном и добавил, что ждать теперь уже, видимо, осталось не долго. Вот разобьем Деникина, и все наладится.

— Деникина разобьем непременно, — подтвердил Полуян.

Мы тепло расстались. Никто из нас ни взглядом, ни жестом не намекнул на ту первую встречу в октябре, когда только вмешательство председателя ЦИК А. А. Рубина спасло мне жизнь.

К моему прибытию в Курсавскую Георгиевский стрелковый полк под командованием А. П. Сложеникина в составе одной тысячи шестисот семидесяти пяти штыков и сорока двух сабель занимал боевые позиции в районе Суркули, Султановка, стойко обороняя свой участок от ежедневных атак отборных офицерских частей белых.

В. И. Кучура со штабом и группой политработников, в числе которых были Т. В. Зенковский, П. Коновалов, А. Юрин и вызванный из Грозного Г. Ф. Григоренко, энергично налаживали управление Невинномысским боевым участком. Руководителем интендантской службы был назначен Г. Ф. Одинец.

В состав боевого участка, кроме Георгиевского полка, входили: 2-й Таганрогский полк под командованием товарища Смирнова (ранее им командовал Леонид Шкура, мой земляк по Донбассу), 1-й Красный полк под командованием товарища Бутко и ряд других частей. Все они занимали позиции в окопах неполного профиля вправо и влево от железнодорожного полотна, примерно километрах

в трех-четырех от станции Курсавской. Впереди была станция Невинномысская, захваченная первого ноября белыми.

Приступив к работе, я часто, иногда по нескольку раз в день, посещал окопы. В составе Таганрогского и Красного полков оказалось много шахтеров из Донбасса, рабочих из Таганрога и Ростова — моих земляков.

Мы подолгу разговаривали, вспоминали родные места, общих знакомых по революционной работе. Красноармейцы были глубоко убеждены в победе над белой армией Деникина. Они хорошо знали, за что воюют. КБ-ти все еще недавно гнули спину на капиталистов. Теперь шахты и заводы стали собственностью народа, а Деникин снова хочет вернуть старые порядки.

— Ничего у него из этого не выйдет, — твердо говорили бойцы. — Пусть ему и помогает Антанта. Мы, рабочие, теперь хорошо знаем, что такое свобода, и никому ее не отдадим.

Как это важно для политработника — добиться открытости со стороны бойцов! А завоевывается она не просто. Не сидя в штабном вагоне куют комиссары свой авторитет. Авторитет куется на позициях, в раскисших, залитых водой окопах, в зимнюю стужу, в смертельной схватке, когда комиссар — впереди, когда первая пуля — ему, а он презирает смерть и учит презирать ее вставших за ним в атаку красноармейцев.

Общаясь с бойцами, ежедневно находясь среди них, мы видели все их нужды, убеждались на каждом шагу, как крепка их вера в партию Ленина, насколько глубоко их классовое революционное сознание. Да и мы сами, будучи очевидцами их беспримерного героизма, получали от общения с ними прекрасную моральную зарядку.

На Невинномысском участке кроме рабочих Донбасса, Ростова, Георгиевска, Минеральных Вод и Пятигорска бок о бок сражались ставропольские крестьяне, терские казаки и горцы Северного Кавказа, а также лихие кубанские казаки бригады прославленного Кочубея. Половине красноармейцев и командиров было в ту пору не более двадцати пяти лет, да и мне самому тогда шел только двадцать первый год. Все мы были молоды, энергичны, полны горячего задора, жажды подвига.

Для нас не существовало дел опасных или невозможных. Мы жили самой атмосферой постоянной опасности,

дышали воздухом, наполненным пороховым дымом, рвали туда, где было труднее всего. Ни о каком уюте не могло быть и речи. Спали где придется и как придется — в окопе, на вокзале, на полу вагона, накрывшись кожаной или старенькой шинелью.

Революция творила чудеса, выявляла блестящие таланты, ломала все привычное, приевшееся, широко открывала дорогу творческому поиску. Сколько прекрасных полководцев подняла она на своем могучем гребне, сколько вырастила отличных политработников!

Но вернусь к своему рассказу. На станции Курсавской находился в декабре 1918 года также штаб 9-й колонны, командиром которой после Я. Ф. Балахонova был товарищ Пронников, а начальником штаба товарищ Хосудовский. В состав боевой колонны входили три боевых участка: Невинномысский, Суворовский и Кисловодско-Боргустанский. Из Курсавской в направлении станций Воровсколеская и Баталпащинская действовала кавалерийская бригада И. А. Кочубея, штаб которой размещался в Суркулях. В двадцатых числах декабря на Невинномысский боевой участок прибыла из-под Моздока 1-я Свято-Крестовская стрелковая дивизия под командованием С. С. Чугуева численностью в шестьсот пехотинцев при пятнадцати пулеметах и восьми орудиях.

Был перебазирован к нам и бронепоезд № 25 под командованием Падалкина, а также бронепоезд «Коммунист». Эти две стальные крепости оказывали нашему участку незаменимую поддержку, постоянно держа под обстрелом своих орудий вражеские позиции.

В декабре в Курсавскую часто приезжали вновь назначенный командарм В. Крузе, помощник командарма и член Реввоенсовета И. Ф. Федько, а также комиссар А. Г. Бурле. В их штабном вагоне проходили совещания, на которых присутствовали В. И. Кучура, И. А. Кочубей, В. Т. Кандыбин, начальник 9-й колонны С. И. Пронников и его начальник штаба Хосудовский.

Обстановка во время таких совещаний была непринужденная и деловая. Командарм внимательно выслушивал наши претензии, делал подробные записи и обещал помочь всем, что было в его силах. Мы часто ощущали эту помощь, но понимали также, что не все зависит от командарма. Недостаток боеприпасов, например, чувствовался

повсюду, и сделать что-либо в этом направлении было очень трудно.

На одном из таких совещаний речь зашла о наших соображениях по поводу дальнейших действий против деникинских войск в направлении на Баталпашинскую, Невинномысскую и Армавир. Помкомандарма И. Ф. Федько развернул на столе карту-десятиверстку, все склонились над ней, и командарм поставил нам боевые задачи по отражению противника. При этом он подчеркнул:

— Крайне необходимо иметь подвижные резервы на случай проникновения в наши тылы неприятельской конницы.

— Против войск Невинномысского участка действуют отборные офицерские полки, — добавил Федько, — а также казачья конница Шкуро, входящая в состав 3-го армейского корпуса Денякина.

В декабре, на станции Курсавской, я встретился с Федько впервые. Впоследствии, в 1919—1920 годах, мы вместе учились в военной академии, вместе служили в армии. Первое знакомство у карты-десятиверстки переросло в крепкую дружбу.

В течение всего декабря деникинское командование тщетно пыталось взять реванш за разгром на Тереке. В его планы входило взятие Минеральных Вод, Кисловодска, Пятигорска, Георгиевска и Святого Креста. Но все его усилия неизменно разбивались о стойкое сопротивление наших войск, хотя вооружен и обмундирован враг был отлично, нехватки в боеприпасах не ощущал, сытно ел и спал в хорошо оборудованных окопах.

Несколько раз станция Воровсколесская и Воровсколесские высоты переходили из рук в руки. Враг делал все возможное, чтобы удержаться на высотах, но налетала лихая кавалерийская бригада Кочубея, с гиком пропосилась по лесистым склонам — и враг не выдерживал, бежал, оставляя на высотах множество раненых и убитых.

Мне не раз приходилось встречаться с И. А. Кочубеем как в боевой обстановке, так и в штабе в вечернее время после боя.

Был Кочубей ничем не примечателен с виду — среднего роста, блондин, коротко стрижен. Носил он белую мохнатую папаху, казачий бешмет из коричневого кавказского сукна с газырями, мягкие сапоги с резиновыми галошами. Дополняли этот экзотический наряд кавказская



В. Т. Сухоруков



П. М. Ипатов



Н. Ф. Гикало



С. С. Чурьев



К. М. Рыльский



Г. А. Кочергин



С. М. Киров среди начальствующего состава 11-й армии

паника и револьвер. Ходил Кочубей легко, словно на крыльях летал, весь — стремительное движение, весь — горячий порыв. Он люто ненавидел белых, всей душой был предан Советской власти. Его хорошо знали и понимали бойцы. И пользовался он среди них огромной любовью — не только как командир, но и как человек, знающий и понимающий нужды каждого.

Его часто можно было встретить на стоянке у красноармейского костра, запросто сидящего с казаками, беседующего с ними о жизни. Он не имел образования, но внутренним чутьем сразу и безошибочно разбирался в человеке.

Там, где появлялся Кочубей, враг чувствовал себя неудобно. Стремительные атаки его конницы вселяли в ряды белых панику. Сам Кочубей всегда был впереди. Пули миловали его, он проносился как вихрь, его белая папаха мелькала в самой гуще схватки.

Кочубей был внимательным и благодарным слушателем. Недостатки своего образования он старался восполнить беседами с бывалыми людьми. Особенно жадно впитывал он правду о Советской власти, о Владимире Ильиче Ленине, о Коммунистической партии. Мы засиживались с ним долгими вечерами, он расспрашивал меня о Москве, о Царицыне, интересовался людьми, с которыми мне приходилось работать.

Я всегда решительно выступал против попыток принизить его самобытную личность. К сожалению, из-за ограниченности своего общего политического развития Кочубей в свое время не смог правильно уяснить себе истинных причин катастрофы 11-й армии, оставившей Северный Кавказ и отступившей на Астрахань. Не смог он объяснить этих причин и своим бойцам.

Кочубей трагически погиб в стане врага, куда он попал, будучи совершенно больным. Но для нас, советских людей, он был и остался героем гражданской войны, светлой личностью, человеком из народной легенды.

Возвращаясь к описанию событий в районе Курсавской, мне хочется остановиться на двух эпизодах, характеризующих умелое руководство нашими боевыми операциями и мужественное поведение красноармейцев.

Первый произошел 15 или 16 декабря на позициях, которые занимал Георгиевский стрелковый полк под командованием А. П. Сложеникина. Был по-настоящему зимний

морозный день. С утра замела легкая поземка. Около одиннадцати часов мы с В. И. Кучурой прибыли в окопы, чтобы побеседовать с бойцами и командирами о предстоящей операции. Едва мы успели добраться до командного пункта, как кто-то крикнул:

— Белые!

Я приподнялся и посмотрел через бруствер. Неприятель, рассыпавшись по белому полю, наступал редкими цепями. Раздавались одиночные выстрелы, потом над нашими головами стали рваться снаряды. А. П. Сложеникин, быстро оценив обстановку, принял решение предпринять контратаку. С криком «ура» бойцы, взяв винтовки наперевес, рванулись навстречу противнику.

Цепи быстро сближались, как вдруг из-за бугра вынырнула белоказачья конница и, обойдя свою пехоту, ринулась на наши цепи. Создалось очень опасное положение.

Конница приближалась, были уже видны лица склонившихся к лукам казаков, клинки смутно сверкали в морозном воздухе. Однако бойцы не дрогнули. По приказу Сложеникина, переданному вдоль залегшей в снегу цепи, бойцы открыли по казакам сокрушительный ружейно-пулеметный огонь.

Атака белых захлебнулась. Правда, кое-кому из казаков удалось прорваться в наше расположение, но они были тут же сброшены с коней.

Буквально на спинах отступающих наши подразделения скатились в балку, где отсиживалась пехота, и в ожесточенной штыковой схватке вынудили ее отойти на свои позиции.

Другой случай произошел 19 декабря, в день рождения царя. Видимо, белые хотели отпраздновать его грандиозным фейерверком — они тщательно подготовили наступление, выдали офицерам по солидной порции спиртного, но снова попали впросак.

А дело было так. Отступая в свое время от Курсавской, белые в спешке забыли повредить телефонную линию, и наши телефонисты подслушали их переговоры. День и час наступления стал известен. Мы, естественно, подготовили монархическому офицерству достойную встречу.

Вели себя белые в тот день нахально. Шли при всем параде, в рост, с папиросками во рту и винтовками наперевес, не обращая внимания на открытую местность и наш редкий огонь. Они и не догадывались, что главный скор-

приз впереди, что нашим бойцам дан приказ подпустить атакующие цепи на четыреста-пятьсот метров.

Волновались мы, конечно, сильно. Но нервы наших бойцов оказались в полном порядке. И лишь когда по цепям прокатилась короткая команда «Огонь!», властно заговорили пулеметы. Оба бронепоезда, приданные нашим частям, тоже вышли на огневую позицию и стали поливать неприятеля осколочными снарядами.

С пением «Интернационала» бойцы поднялись в контратаку. Офицеры обратились в позорное бегство. Наши части преследовали их до самой станции Кнан.

Дорого обошлись монархистам именины незадачливого царя. А мы одержали в тот день еще одну крупную победу.

То, что бойцы стойко удерживали наши позиции в районе Курсавской, имело большое оперативное значение. 11-я армия, сковавшая на Северном Кавказе самую крупную военную группировку контрреволюции — армию Дедюкина, облегчала армиям Южного фронта разгром белоказачьих войск генерала Краснова, стремившихся овладеть Доном.

Улучшилась к тому времени и международная обстановка. Революция в Германии привела к разложению немецкой армии, подорвала ее боеспособность. Под мощными ударами Красной Армии оккупанты постепенно откатывались на запад. Донские контрреволюционеры, опиравшиеся на Вильгельма, оказались без реальной поддержки. Правда, теперь они обратили свои взоры к странам Антанты, но для того, чтобы дожидаться от союзников какой-либо помощи, требовалось время. А пока время работало на нас.

23 декабря 1918 года я получил телеграмму Реввоенсовета 11-й армии за подписью Полуяна, в которой мне предписывалось немедленно прибыть в Георгиевск для вступления в должность политического комиссара 4-й стрелковой дивизии. Как ни жаль было расставаться со своими боевыми товарищами, а приказ есть приказ. Обратившись с просьбой в политотдел армии, я получил разрешение взять с собой на новую работу некоторых политработников. Мой выбор пал на А. Юрина, Т. Зенковского, П. Коновалова и Г. Григоренко.

Нам выделили теплушку, провозжат нас прибыли В. Кучура и другие штабные работники. Мы крепко обнялись —

как знать, доведется ли встретиться еще раз: время тревожное. Поезд поскрипел тормозами и тронулся. Замелькали по сторонам белые степи с далекими станицами и пыряющими в балки темными дорогами.

В тот же день мы прибыли в Георгиевск, встретивший нас продуваемым зимним ветром улицами, заклеенными листовками заборами. Часто попадались патрули, нас останавливали и проверяли документы.

В Георгиевске в то время находился переехавший из Пятигорска Реввоенсовет и штаб 11-й армии. Оставив товарищей в вестибюле, я отправился к Полуяну и начальнику политотдела армии товарищу Акулову, который в свое время замещал расстрелянного Сорокиным А. А. Рубина на посту председателя ЦИК Северо-Кавказской республики. Сам ЦИК в конце ноября был преобразован в Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет, председателем которого был избран И. И. Подвойский.

В беседе со мной товарищ Полуян отметил, что Реввоенсовет придает большое значение 2-му Ставропольскому корпусу, ныне реорганизованному в 4-ю стрелковую дивизию.

— В дивизии необходимо поднять роль политических комиссаров, — подчеркнул Полуян. — Вы имеете опыт работы в боевых условиях. Поэтому Реввоенсовет и назначил сюда именно вас. Штаб дивизии располагается в селе Воздвиженском. В ваше распоряжение поступает легковой автомобиль, только что вышедший из ремонта. Не улыбайтесь, в Ставрополе автомобиль вам очень понадобится, и вы еще будете меня благодарить. Фронт разбросан на участке в семьдесят-восемьдесят километров, пешком вы там не находитесь. А сейчас зайдите к начальнику штаба армии товарищу Пересвету и к начальнику оперативного отдела Левандовскому для информации о задачах реорганизации корпуса в 4-ю стрелковую дивизию, — закончил нашу беседу Полуян.

Начальник штаба армии Б. Пересвет вручил мне пакет с шифром «Волга» для связи дивизии со штабом, а Левандовский, с которым я познакомился впервые, подошел к карте и подробно ознакомил меня с расположением наших войск и войск противника, а также с боевой задачей, поставленной командованием 11-й армии 2-му Ставропольскому корпусу.

— Не забудьте взять приказ о реорганизации корпуса

в стрелковую дивизию девятиполкового состава, — сказал он, вручая мне отпечатанный на машинке текст приказа.

Весь день я провел в приготовлениях к отъезду. А перед самой погрузкой в теплушку вдруг выяснилось, что Григоренко и Падалкин заболели тифом и находятся в армейском госпитале. Я тотчас же отправился к ним, но в палату меня не пустили. Мои друзья были в тяжелом состоянии, и я вынужден был оставить их в Георгиевске.

На станции меня ждал Зенковский. Оказывается, он получил недельный отпуск для поездки к семье в станицу Солдатскую, откуда был родом.

— Через неделю буду у тебя, Василий Тимофеевич, — твердо обещал он.

Но мы с ним больше не встретились. Приехав в Солдатскую, Зенковский заболел тифом, а после отступления 11-й армии был схвачен белыми и расстрелян в марте 1919 года. С Зенковским мы были особенно близки. Я знал его еще по Тифлисскому землемерному училищу, участвовал с ним в подпольном революционном кружке, в котором тогда состоял и Л. Тандит, работавший впоследствии в аппарате ЦК ВКП(б). Через Зенковского мы поддерживали связь с его станичниками — терскими казаками, служившими в конвойной сотне наместника царя на Кавказе.

Вот почему гибель Зенковского я переживал особенно тяжело. Но в тот вечер на станции в Георгиевске никто из нас еще ничего не знал о том, что будет с нами через три месяца. Полный оптимизма и радужных надежд, Зенковский искренне радовался тому, что повидается со своей семьей.

Вместе со мной в теплушке ехал высокого роста чернобородый мужчина в высокой шапке и серой офицерской шинели. Мы познакомились, и я узнал, что это инспектор политотдела армии Г. А. Кереметчи и что он едет в Таманскую армию для вручения ей Красного знамени, которым крайисполком и Реввоенсовет наградили армию за боевые отличия в 1918 году.

До Святого Креста, где нам предстояла пересадка, пути добрых четыре часа, и мы за это время вволю наговорились. Кереметчи произвел на всех нас, ехавших с ним в теплушке, приятное впечатление. Скоро по краям полотно замелькали жилые постройки, пакгаузы, товарные составы, застучали стрелки, и мы остановились. Кереметчи

попрощался с нами на забытых народом привокзальных путях.

К декабрю 1918 года Святой Крест превратился в крупную базу снабжения 11-й армии. Сюда на автомашинах, верблюдах и гужевым транспортом поступали из Астрахани через Яшкул и Аргир боеприпасы, медикаменты и политическая литература.

В Святом Кресте мы пересели на предоставленный в наше распоряжение окрашенный в ярко-красный цвет автомобиль и немедленно выехали в село Воздвиженское. Здесь я встретил пребывавшего до 5 января 1919 года в должности командира корпуса и начальника 4-й стрелковой дивизии Г. А. Тоцунова, комиссара корпуса В. И. Берлова, от которого мне перешли все дела, И. Лихачева, штабных работников Г. И. Овчинникова, Дубинина и В. И. Матузенко, прибывшего незадолго до меня из Георгиевска на должность начальника штаба 4-й стрелковой дивизии, а с 5 января 1919 года временно исполнявшего обязанности начальника дивизии.

Начальнику штаба корпуса И. Лихачеву я вручил шифр «Волга», приказы и распоряжения командования 11-й армии.

В тот же день я познакомился со многими бойцами и командирами — с И. Р. Апанасенко, С. В. Неговоры, А. С. Вдовиченко, К. А. Труновым, В. И. Книгой, И. Г. Зиберовым, С. С. Закстой и комиссаром кавалерийской дивизии К. Л. Пантосом.

Зная из своего старого опыта, что начинать политическую работу следует с партийных ячеек в частях и подразделениях и с тщательной проверки их боевой готовности, я вместе с Юриным составил подробный план агитационной работы, который охватывал не только наших бойцов, но и местное крестьянское население, и ознакомил с этим планом коммунистов.

В результате откровенных бесед с красноармейцами у меня создалось неплохое впечатление о политико-моральном состоянии дивизии. Видимо, и до нас в воинских подразделениях хорошо поработали комиссары. Бойцы знали, за что они воюют, неплохо ориентировались в политической обстановке и были в подавляющей своей массе преданы делу революции.

Обстановка на фронте характеризовалась упорными боями под Виподельным, Большой и Малой Джалтой и

Дербетовском. Левее нас, по реке Калаус, располагалась 3-я Таманская стрелковая дивизия, в составе которой было до трех тысяч крестьян-ставропольцев, мобилизованных командованием Таманской армии без надлежащего классового отбора.

На стыке между 3-й и 4-й дивизиями находился белогвардейский казачий конный корпус генерала Врангеля, наносивший удары то по левому флангу 4-й стрелковой дивизии, то по правому флангу таманцев в направлении Донская Балка, Благодарное.

Правый фланг 4-й стрелковой дивизии упирался в реку Маныч и обеспечивался стоявшими по ту сторону Маныча в районе Приютное — Ремонтное — Заветное Элистинской стрелковой дивизией и Черноярской бригадой 10-й армии Южного фронта.

На фронте протяженностью в восемьдесят километров вместе с 4-й стрелковой дивизией действовала 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия под командованием С. В. Неговоры, бывшего вахмистра, и политического комиссара К. Л. Пантоса, скатеринодарского рабочего. Начальником штаба у них был коммунист И. Г. Зиберов, энергичный, трудолюбивый человек, пользовавшийся заслуженным авторитетом среди красноармейцев.

В состав кавалерийской дивизии входили четыре полка. Первым командовали И. В. Селиванов и Д. Т. Деркач, вторым — И. Чумаков, третьим — Т. Шейко, четвертым — В. И. Книга и В. С. Голубовский. В оперативном отношении кавалерийская дивизия подчинялась командованию 4-й стрелковой дивизии, ставившему ей боевые задачи по совместным действиям с пехотой.

После реорганизации корпуса в 4-й стрелковой дивизии было образовано три бригады. Первой командовал К. А. Трунов, второй — И. Р. Апанасенко, третьей — товарищ Колодильев.

Кроме стрелковых бригад в дивизии была создана артиллерийская бригада в составе пятнадцати орудий. Несколько позже был создан политический отдел, ответственность за который возложили на товарища Романова.

Общая численность 4-й стрелковой дивизии вместе с 1-й Ставропольской кавалерийской дивизией без 1-го кавалерийского полка составляла свыше двадцати тысяч бойцов при пятидесяти пулеметах и пятнадцати орудиях.

Тридцатого декабря в селе Дивном было созвано совещание командиров и комиссаров дивизий, на котором я выступил с речью о значении политработы среди войск и населения и о задачах по повышению дисциплины и боеспособности войск.

Наряду с агитацией, которую мы систематически проводили в наших войсках, нами предпринимались также некоторые шаги в деле морального разложения войск противника. С этой целью мы писали листовки и воззвания и передавали их через пленных и население во вражеский тыл. Печатание таких воззваний было делом нелегким из-за отсутствия исправных пишущих машинок и достаточного количества бумаги. Мы рассказывали солдатам, обманутым офицерами, правду о Советской власти, доводили до их сознания декреты рабоче-крестьянского правительства о мире и о земле, призывали переходить на сторону Красной Армии.

Как я уже говорил, население освобожденных районов относилось к нам доброжелательно. Благодаря этому мы не испытывали острого недостатка в продовольствии, фуражке и гужевом транспорте. Однако приходилось быть всегда начеку и много работать, чтобы закрепить авторитет Советской власти.

Мне вспоминается одно собрание в селе Воздвиженском, на котором присутствовали крестьяне села и эскадроны кавалерийского полка. На нем мне поручили выступить с докладом о наших задачах в борьбе с Деникиным.

Сначала все шло хорошо. Но как только я начал говорить о Коммунистической партии, из толпы стоявших рядом крестьян раздались возгласы:

— Нам не нужно коммуни. Мы за Ленина!

Несколько человек потянулись к телеге, на которой я стоял. Они пытались стащить меня и не дать говорить. Тогда я спрыгнул с телеги и вскарабкался на забор.

Толпа волновалась. Я стал объяснять крестьянам, что Владимир Ильич Ленин тоже коммунист, что большевистская партия в марте 1918 года на Седьмом съезде переименована в РКП(б) и что большевики — те же коммунисты.

Постепенно страсти улеглись. Мужики успокоились и стали слушать меня внимательно. Они даже подшучивали друг над другом и смущенно поглядывали в мою сторону.

— Идите в Красную Армию, — говорил я, — поддерживайте ее продовольствием и людьми. Красная Армия наша защитница. От ее успехов зависит, будем ли мы жить свободно или снова попадем в ярмо к богатым, останется ли земля за крестьянами или ее опять вернут помещикам...

После митинга, когда я слез с забора, крестьяне окружили меня.

— Вот так надо было и раньше объявить, чтобы крестьяне знали правду, — сказал один из них и добавил, что он согласен вступить в Красную Армию. — Где тут у вас записывают? — поинтересовался он.

В те дни наши войска, согласно общему плану, готовились к наступлению. Оно было назначено на 4 января, но фактически 1, 2 и 3-я стрелковые дивизии начали его раньше — 1-го числа, добившись заметных успехов под Баталпашинской и в районе Грушевки.

4-я стрелковая и 1-я Ставропольская кавалерийская дивизии тоже атаковали группу войск генерала Станкевича и заняли расположенные по реке Калаус села Винодельное, Дербетовское и некоторые другие.

Казалось, путь для широкого наступления по всему фронту был открыт, как вдруг 4-го утром командир дивизии получил телеграмму из штаба армии, в которой сообщалось, что крупные силы противника прорвали оборону 3-й Таманской стрелковой дивизии и развивают свой успех в направлении Благодарного, угрожая Георгиевску и Святому Кресту. Враг стремился отрезать ударную группировку нашей армии, нацеленную на Невинномысскую.

Мы понимали, что это значит. Прорывом фронта белые сделали невыполнимым план наступления всей 11-й армии. Необходимо было срочно принимать ответные меры, и в первую очередь оказать помощь нашему соседу — 3-й Таманской дивизии, на участке которой была прорвана оборона. На экстренном совещании у товарища Матузенко было решено бросить 1-ю кавалерийскую дивизию в тыл наступавшей на Благодарное и Георгиевск белой конницы Врангеля, отвлечь на себя ее удар, попытаться приостановить или хотя бы задержать наступление противника. Тем временем командующий 11-й армией сможет перегруппировать силы и нанести контрудар с целью ликвидации прорыва.

9 января Ставропольская кавалерийская дивизия в составе трех кавалерийских полков вышла на юг, заняла село Овоци и выдвинула боевую разведку в сторону Благодарного.

Складывалось впечатление, что положение 4-й стрелковой дивизии не внушает особых опасений. Но общая обстановка на фронте с каждым днем продолжала ухудшаться. Была прервана связь со штабом. В район расположения нашей дивизии отошел батальон из бригады И. Т. Яворского 3-й Таманской дивизии, и мы влили его в свой состав. Остатки же самой бригады отходили на Элисту.

Разведка 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии доносила, что части 3-й Таманской стрелковой дивизии и конницы Кочергина покинули Благодарное и отступили к Святому Кресту, не оказав противнику серьезного сопротивления. По пятам за ними шли две конные дивизии белых. Кубанская казачья дивизия Улагая нацелила острие своего удара на Святой Крест, другая — на Георгиевск.

В такой обстановке мы не могли рисковать бойцами и потому немедленно отзывали конницу, находившуюся в селе Овоци, в расположение своих войск.

В это время в Воздвиженское прибыли бывший командующий Северным фронтом Е. Н. Ригельман и политический комиссар 11-й армии А. Г. Бурле. Мы ознакомили их с нашим планом контрудара четырех стрелковых полков на Винодельное, Большую и Малую Джалгу и рейдом кавалерийской группы на Овоци. Они сказали, что план этот был ими в свое время одобрен, но в момент прорыва фронта 3-й Таманской дивизии их приказы запоздали.

— Сейчас вам предстоит действовать самостоятельно, — сказал Бурле. — Как вы знаете, связь с командованием армии не восстановлена, а управление Северным фронтом ликвидировано приказом командующего 11-й армией.

Ригельман добавил, что во главе 11-й армии поставлен теперь М. К. Левандовский.

Собравшись у В. И. Матузенко, мы обсудили возможные варианты наших дальнейших действий. Выбор был невелик. По первому варианту 4-я стрелковая дивизия оставалась в прежнем районе и вела оборонительные бои на заранее подготовленных рубежах. По второму вариан-

ту предлагался короткий отход за Маныч, продолжение наступательных боевых действий в направлении железной дороги Тихорецкая — Царицын с одновременным запятием прочной обороны вдоль берега реки. По третьему варианту нам предстоял изнурительный трехсоткилометровый отход на Астрахань. По четвертому — трехсоткилометровый отход с боями на Царицын, на соединение с 10-й армией Южного фронта.

Наиболее приемлемой мне представлялась возможность продолжения боевых действий без длительной оперативной паузы в направлении Великокняжеская (Пролетарская), Котельниково с целью прервать железнодорожное сообщение в районе станции Тихорецкой и не допустить переброски войск Деникина с Северного Кавказа на Царицын. Вместе с тем, обороняясь на рубеже реки Маныч, мы могли создать постоянную угрозу вторжения в Ставрополье. Развивая наступление по тракту на Царицын из района Заветного на Киселевку, мы оказали бы существенную помощь 10-й армии. И наконец, мы могли бы в случае необходимости прикрыть Астрахань со стороны Элисты и Янгуля.

Все это обеспечивал второй вариант, предусматривавший короткий отход за Маныч. Большая часть командного и политического состава обеих ставропольских дивизий была настроена по-боевому. Все сходилось на одном мнении, которое совпадало и с моим, — сражаться за Манычем, вблизи Ставрополя.

К сожалению, намерения командования 11-й армии и Каспийско-Кавказского фронта нам не были известны. Расстояние между отходящими колоннами 11-й армии и нами с каждым днем увеличивалось и делало невозможным координацию действий войск 4-й дивизии и отступавших 1, 2 и 3-й. В связи с этим перед нами встала задача сохранения боеспособности и политической устойчивости двадцати тысяч бойцов 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии для того, чтобы принести наибольшую пользу Красной Армии, сражавшейся на Юге России.

Именно в этот момент, в момент тяжелых испытаний, необычайно повысилась роль политического комиссара, призванного найти правильный ориентир в калейдоскопе быстро меняющихся событий, насыщенных острыми противоречиями и обострившейся классовой борьбой. Необ-

ходимо было добиться принятия такого плана дальнейших боевых действий, который отвечал бы стратегическим замыслам Главного командования, увязывался бы с действиями армий Южного фронта и согласовывался с усилиями командования Каспийско-Кавказского фронта в деле восстановления боеспособности 11-й армии и обеспечения надежной обороны Астрахани.

Я настаивал на отводе войск за Маныч, однако совершенно неожиданно столкнулся с препятствиями, речь о которых пойдет ниже. Но сначала мне хотелось бы остановиться хотя бы вкратце на той политической обстановке, которая сложилась в Ставрополе в связи с неудачами 11-й армии. Неудачи эти эхом отозвались на построении ставропольского крестьянства. Активизировалось кулачье, начав открытую контрреволюционную пропаганду, совершая убийства советских работников и призывая бойцов-односельчан разойтись по домам. Начала проявлять признаки колебания значительная часть крестьян-середняков, которым мы в свое время были многим обязаны, получая от них все, что нам было необходимо из продовольствия и фуража. Классовая борьба приняла острые, драматические формы. Ведняки продолжали оставаться прочной опорой Советской власти. И именно на них предстояло нам теперь опираться в нашей практической работе.

Учитывая остроту момента, мы всячески старались сохранить инициативу, неустанно выступали на собраниях и митингах, разоблачая контрреволюционную деятельность кулаков и призывая трудовое крестьянство выступать против Деникина. Делали все возможное для нейтрализации середняка, укрепления его союза с беднотой и против поднимающего голову кулачества.

Видимо, эти моменты косвенно отразились на информации исполняющего обязанности начальника 4-й стрелковой дивизии Реввоенсовету 11-й армии. Выводы, к которым он пришел, представлялись мне совершенно необоснованными, и об этом я говорил ему. Но В. И. Матузенко неизменно настаивал на своем.

Я бы не стал говорить с такими подробностями, если бы весьма субъективная информация В. И. Матузенко не явилась источником неправильного понимания некоторых моментов гражданской войны на Северном Кавказе. Считаю необходимым внести ясность в этот вопрос,

связанный с героической страницей борьбы за Советскую власть в Ставрополе.

Дело было так. 12 января, не посоветовавшись со мной, В. И. Матузенко написал доклад и отправил его в Реввоенсовет 11-й армии. В докладе, в частности, говорилось:

«В дивизии назревало брожение, готовилось избиение коммунистов. Население настроено враждебно к нам. Учтя все это, я понял, что отступление только прибавит в ряды противника лишнюю дивизию».

Получив информацию, в которой сообщалось, с одной стороны, об успешных действиях стрелковых полков в направлении Винодельное — Дербетовское и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии в районе села Овощи, а с другой стороны, о возможности распада дивизии в случае ее отступления на Арзгир, Реввоенсовет армии усмотрел в факте успешных боевых действий ставропольских войск единственную надежду на восстановление положения 11-й армии на всем фронте. Исходя из этого, 23 января 1919 года Реввоенсовет за подписью командарма М. К. Леваковского, Я. В. Полуяна, Д. Одарюка и Б. Мдивани отдал начальнику 4-й стрелковой дивизии приказ следующего содержания:

«Приказываю вам развить наивысшую активность на Святой Крест с целью занять его и связаться с частями 3-й дивизии, оперирующими под Степной и Соломенной».

Помните, что от решительности, настойчивости и быстроты ваших действий зависит все наше положение и возвращение обратно взятых противником городов, а по сему Революционный военный совет приказывает вам немедленно и во что бы то ни стало выполнить указанную задачу и ни в коем случае не допускать и мысли об отходе за Маныч, или к 10-й армии, или в другом каком направлении».

Из этого приказа видно, что ставропольским войскам отводилась важная роль в деле организации контрнаступления против Деникина. Отвергая пессимизм начальника В. И. Матузенко, утверждавшего, что мы сидим чуть ли не на вулкане, Реввоенсовет дал положительную оценку действиям ставропольских войск к концу января 1919 года.

Деникин и Врангель в своих воспоминаниях также расценивали действия ставропольских войск в тот период

как попытку улучшить положение всей 11-й армии. Они указывали при этом, что для ликвидации успешного наступления ставропольцев потребовалось срочно бросить против них резерв главного командования, состоявший из двух пехотных полков и артиллерийских батарей.

К сожалению, Реввоенсовет 11-й армии не смог, как он намеревался, остановить в районе Прохладной отступающие 1, 2 и 3-ю стрелковые дивизии, не смог повернуть их на Владикавказ, как этого требовал Г. К. Орджоникидзе.

24 января, то есть на следующий день после отдачи приказа, предписывавшего начдиву 4-й стрелковой дивизии развернуть наступательные операции в направлении Святого Креста, Реввоенсовет сам выехал из Прохладной на Моздок — Кизляр.

Продолжающееся поспешное отступление частей 11-й армии и оставление Прохладной дало основание Г. К. Орджоникидзе телеграфировать В. И. Ленину о том, что 11-й армии больше не существует.

Таким образом, наступление ставропольских войск на Святой Крест теряло всякий смысл. Более того, оно было опасным и могло привести к полному разгрому. Ведь именно на этот случай Деникин и приберег в Святом Кресте 2-ю Кубанскую казачью дивизию.

Решение об отходе за Маныч было принято без колебаний. Мы запаслись фуражом и хлебом и 27 января начали отходить на Дивное, а оттуда через Маныч в Приютное, Кормовое и Кресты.

Переправа была трудной. Пехотные части, обоз и тыловые учреждения прикрывала 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия. Части 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии отошли в район Элисты.

По пятам за нами следовали регулярные части белых, в тылу орудовали вооруженные банды кулаков. Во время почевки в селе Дивном кулаки убили командира артдивизиона. К сожалению, их не удалось выловить, так как на рассвете наши части начали переход через Маныч.

В Приютном противника сдерживал окопавшийся на берегу 10-й стрелковый полк под командованием Д. О. Положишниковца. Его наблюдательный пункт был расположен на церковной колокольне. Отсюда вся местность до Маныча просматривалась как на ладони.

Прячась за домами от посвистывающих вокруг пуль, я пробрался к Положишникову на колокольню. Он указал мне биноклем в сторону Царицына, где уже сосредоточивались главные силы 4-й стрелковой и 1-й кавалерийской дивизий. Наши были также в районах Кормового, Крестов и Ремонтного, расположенных вдоль тракта Ставрополь — Царицын.

Постепенно на землю опустились сумерки. С наступлением темноты бой прекратился, и я отправился в Кормовое. Выставив охранение в сторону Маныча, Положишников остался на ночлеге в Приютном. У него был приказ во что бы то ни стало удерживать Приютное, чтобы дать нашим полкам возможность окопаться в указанных им районах.

Трудно было бойцам покидать родные места, с болью в сердце переходили они через Маныч — ведь очень многие из них были родом из Ставрополя.

Переход за Маныч очистил наши части от некоторых колеблющихся элементов, решивших остаться на родной земле. Количественно 4-я стрелковая дивизия несколько пострадала, но зато качественно укрепила свои ряды, оставаясь, как и прежде, крупной боевой единицей. Что же касается 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии и артиллерийской бригады, то отсев этот их почти совсем не коснулся.

Переправившись через Маныч, мы с нетерпением ждали встречи с другими соединениями Красной Армии, которые, как мы знали, должны были находиться где-то поблизости. Однако лишь на следующий день, 29 января, мы натолкнулись на разведку Элистинской стрелковой дивизии. В Кормовом нас ждали представители 10-й армии Т. П. Кузьмин и И. И. Кучин, а также начальник Элистинской дивизии товарищ Репяхов. От них мы узнали, что Элистинская дивизия численностью в две тысячи человек и Черноморская бригада в составе стрелкового и кавалерийского полков под командованием товарища Колесова общей численностью в восемьсот человек потеряли связь с 10-й армией.

У нас положение было не лучше. Мы также не знали, где находится штаб 11-й армии, в каком направлении движутся остальные воинские соединения. Связь с Царицыном была прервана, так как от Киселевки по тракту и почти до самого Царицына действовали белоказачьи от-

ряды Донской армии генерала Краснова. Легче было установить связь с Астраханью через Яшкуль, находившийся в ста пятидесяти километрах от села Ремонтного, где располагалась 4-я стрелковая дивизия.

В такой сложной обстановке, естественно, сразу же встал вопрос о создании единого командования двух армий разных фронтов. Однако представители 10-й армии не проявили склонности войти в оперативное подчинение 4-й стрелковой дивизии, в шесть раз превосходившей по численности Элистинскую дивизию и Черноярскую бригаду, вместе взятые.

Тогда было принято решение созвать 30 января в Крестах совещание и окончательно решить вопрос об объединении командования. В порядке подготовки этого совещания я и товарищи Кучин и Кузьмин рекомендовали временно создать из встретившихся войсковых соединений Особую соединенную армию Степного фронта во главе с Реввоенсоветом.

Возражений не было. Все согласилось с тем, что вновь создаваемая армия будет вести боевые действия на месте и не предпримет изнурительного отхода ни на Астрахань, ни на Царицын. Наша цель заключалась в том, чтобы наиболее эффективно использовать боевую мощь соединений в предстоящих боях против окружающего нас с трех сторон неприятеля.

Мы поручили штабу детально разработать материалы по созыву совещания в Крестах, как вдруг во второй половине дня в расположение нашей дивизии прибыл Я. Ф. Балахонов. Он был с дороги, уставший и запорощенный снегом. Видимо, ему пришлось сделать немалый крюк, прежде чем он разыскал нас. Я слышал о Балахонове, знал, что он состоял в должности начальника боевого участка 3-й стрелковой дивизии.

Представившись, Я. Ф. Балахонов предъявил нам приказ Реввоенсовета 11-й армии за подписью командарма М. К. Левандовского и Я. В. Полуяна о своем назначении на должность начальника 4-й стрелковой дивизии.

Пока мы знакомились с приказом, Балахонов в устной форме заявил, что ему приказано отступать с дивизией на Астрахань и что он вступит в должность только в том случае, если будет выполнен этот приказ.

Заявление Балахонova шло вразрез с нашими плана-

ми. Нам было совершенно непонятно, для чего командованию 11-й армии потребовалось трехсотпятидесятикилометровое отступление ставропольских войск на Астрахань в то время, как они более эффективно и с большей пользой для дела могли драться именно там, где сейчас находились.

Я, как комиссар дивизии, пытался доказать Балахонovu нецелесообразность выдвинутого им условия. Но Балахонов был непреклонен. Он настаивал на отходе дивизии.

— Вы представляете себе, что значит этот переход? — говорил ему я. — Астраханские степи безлюдны и безводны. Сейчас зима, морозы. Мы растеряем половину боевого состава.

— Я приму дивизию только в том случае, если будет выполнен приказ Реввоенсовета, — упорствовал Балахонов.

— Но приказ отдан в устной форме.

Балахонов пожал плечами.

— Значит, мы не договоримся. Я попрошу вас на обороте приказа Реввоенсовета о моем назначении на должность начальника дивизии написать справку о том, что отступление дивизии на Астрахань вы в силу сложившейся обстановки считаете невозможным, — попросил он.

Я выполнил его просьбу. Балахонов положил приказ в карман и в тот же день выехал на Яшкуль, чтобы оттуда переправиться в Астрахань, где тогда находился Реввоенсовет.

Едва Балахонов выехал, в избу вошли командиры полков. Они стали расспрашивать меня о причине отъезда Балахонova. Я рассказал все, как было. Командиры одобрили мои действия. Мне была приятна их поддержка, однако сам я прекрасно понимал, что взвалил на свои плечи огромную ответственность перед Реввоенсоветом армии.

Совещание в Крестах, как и было намечено ранее, состоялось 30 января. В маленькой натопленной избе собралось до тридцати командиров и политработников. В самом начале совещания нами было сделано сообщение о военно-политической обстановке на Маныче, сложившейся в связи с прибытием сюда частей 11-й и 10-й армий, а также о необходимости объединения всех войск под единым военным и политическим руководством.

Затем выступали командиры. Они согласились с данной нами оценкой обстановки. В конце совещания мы приняли соответствующее решение. В состав Реввоенсовета вошли: я и представители 10-й армии Т. П. Кузьмин и И. И. Кучин. Командармом был избран И. И. Кучин, а начальником штаба армии И. Лихачев. Реввоенсовет отстранил В. И. Матузенко от должности, назначив на его место А. С. Вдовиченко.

С образованием Реввоенсовета Особой соединенной армии были устранены поводы для возникновения каких-либо разногласий между командованием дивизий и бригад 11-й и 10-й армий, устанавливалась единая система снабжения, укреплялся тыл, улучшалась дисциплина в войсках.

У меня сохранился отпечатанный на машинке мандат члена Реввоенсовета вновь образованной армии, содержание которого хорошо отражает то незабываемое время, когда наш народ под руководством Коммунистической партии мужественно сражался против внешних и внутренних врагов Советской власти.

Вот подлинный текст этого мандата:

РСФСР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

РЕВВОЕНСОВЕТ

Особой соединенной
армии

1 февраля 1919 г.

№ 45

с. Ремонтное

Предъявитель сего тов. СУХОРУКОВ
Василий Тимофеевич — член Революцион-
ного военного совета Особой соединенной
армии.

Тов. СУХОРУКОВУ предоставляются все без исключения средства передвижения и сообщения Советской республики; там, где проявляется саботаж и контрреволюционность, на месте виновных расстреливать.

Всем советским организациям и отдельным личностям, стоящим у власти, ИМЕНЕМ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА, предлагается оказывать самое широкое содействие.

ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА

КОМАНДАРМ

печать НАЧАЛЬНИК ШТАБА

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ

РЕВВОЕНСОВЕТА

(КУЗЬМИН)

(КУЧИН)

(ЛИХАЧЕВ)

(КЛЕЙМЕНОВ)

В своеобразной и очень сложной обстановке гражданской войны Реввоенсовет армии был наделен чрезвычай-

ными полномочиями, но я не припомню случая, чтобы кто-либо злоупотребил ими. В частях поддерживалась образцовая дисциплина, революционный порядок был налажен также и среди жителей сел, в расположении которых находилась наша армия.

Однако нельзя умолчать и о том, как некоторые ответственные работники, вместо того чтобы оказывать нам всемерную поддержку, пытались занять позицию сторонних наблюдателей и поскорее выбраться из расположения наших войск. Так поступил, например, ставропольский губвоенком Т. И. Ульянов. Многие сделал для Красной Армии в Ставрополе, он решил выехать в Астрахань для отчета и взял с собой денежные средства, предназначенные на содержание войск. Реввоенсовет настоял, чтобы он сдал деньги 4-й дивизии.

Покончив с организационными вопросами, Реввоенсовет рассмотрел и утвердил план боевых действий. Полки 4-й стрелковой дивизии должны были вести оборонительные бои на рубеже реки Маныч, прикрывая армию с юга. 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии в составе трех полков предстояло совершить двадцатикилометровый рейд в сторону железной дороги Тихорецкая — Царицын. Взорвать железнодорожные мосты, прервать движение, не допустить переброску войск Деникина с Северного Кавказа на Царицын — так гласил отданный ей приказ. Это смелое решение было продиктовано желанием как можно скорее оказать помощь 10-й армии, которая вела тяжелые бои с Красновым в районе Царицына.

Тщательно проанализировав обстановку, мы еще раз убедились в том, что наши части заняли положение, весьма выгодное в стратегическом отношении. Уйдя за реку Маныч, мы постоянно угрожали вторжением в Ставрополье, а также правому флангу и тылу Донских армий белых.

4 февраля, во второй половине дня, прикрываясь ранними зимними сумерками, 1-я Ставропольская дивизия под командованием С. В. Неговоры (политический комиссар К. Л. Пантос, начальник штаба И. Г. Зиберов) выступила из района Кормовое, Кресты в просторы донских степей. Рейд предстоял нелегкий. Степи в ту пору были безлюдны, если не считать редкие коннозаводские зимники.

Были приняты все меры предосторожности, но враг не дремал. Белая разведка обнаружила передвижение на наших позициях, и утром 7 февраля неприятель принял наступление от Маныча на север, занял Кормовое и атаковал Кресты. Однако Кресты ему взять не удалось — части 4-й стрелковой дивизии, оправившись после первого удара, отбили несколько атак и удержали село.

В полдень 7 февраля в Ремонтное прибыли из Астрахани член Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта Н. А. Анисимов, которого я знал еще по Царицыну, В. Крузе — инспектор пехоты 11-й армии, бывший ее командарм, и присоединившийся к ним в Яшкулье Д. П. Жлоба — командир отряда.

Когда они вошли в комнату, в ней находились все члены Реввоенсовета нашей армии. Я немедленно доложил прибывшим об обстановке, сообщил мотивы создания Особой армии и сказал об отправке в глубокий рейд 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии.

Н. А. Анисимов внимательно выслушал сообщение. Затем он встал, одернул кожанку и без всякой мотивировки отдал в устной форме приказ немедленно вернуть дивизию из рейда на Великокняжескую и вместе со всеми начать отход из занимаемого нами района на Астрахань.

Все были удивлены, но Анисимов считал разговор исчерпанным. Он снова сел и заговорил о чем-то полупешотом с Крузе. Тот кивал ему и изредка поглядывал на меня. Видимо, он понял мое состояние.

— Вы хотите что-то добавить, товарищ Сухоруков? — спросил инспектор, поворачиваясь в мою сторону.

— Да, — сказал я. — Мне бы хотелось прокомментировать свое сообщение.

Анисимов прищурился:

— Не согласны с приказом?

— Видите ли, приказ этот мне уже передавал Балахонов.

— Знаю.

— Балахонов уехал, не приняв дивизию. А ведь я тогда еще подчеркивал, что Особая армия втянута в активные боевые действия и благодаря этому отвлекает на себя значительные силы Краснова из-под Царицына и Деникина с Северного Кавказа. Мне думается, это отвечает общим оперативным интересам Советской республи-

ки. Кроме того, находясь за Манычем, наши дивизии прикрывают дальние подступы к Астрахани, а это тоже очень важно для устойчивости Каспийско-Кавказского фронта...

Анисимов молчал. Казалось, его заинтересовали мои доводы. Ободренный его молчанием, я продолжал:

— Что же касается отхода на Астрахань, то я могу только повторить аргументацию, данную в свое время Балахонову. Отход этот грозит армии потерей ее боеспособности. На дороге, по которой предстоит отступление, нет крупных населенных пунктов, нет продовольственных и фуражных баз, не хватает воды.

Отвлекаясь от последовательности рассказа, хочу забежать вперед, чтобы подтвердить обоснованность моих опасений. Ровно через неделю после нашей беседы с Анисимовым на Астрахань стали отходить остатки 1, 2 и 3-й стрелковых дивизий. Они шли от Кизляра по дороге вдоль Каспийского побережья. В результате командование Каспийско-Кавказского фронта приняло в Астрахани вместо трех боеспособных дивизий тысячи больных и изнуренных красноармейцев, нуждавшихся в усиленном питании и длительном отдыхе.

Но вернусь к своему рассказу. Как я уже говорил, Анисимов слушал меня молча. Лишь когда я кончил, он снова коротко повторил, что приказ отданный им, обсуждению не подлежит и должен быть немедленно выполнен.

— За невыполнение приказа пойдете под суд ревтрибунала, — сухо резюмировал он.

Я сказал, что приказ будет выполнен, но если в результате отступления до Астрахани дойдет лишь часть дивизии, а остальная часть погибнет в пути, ответственность за это будет нести Реввоенсовет фронта.

— Отдайте приказ в письменной форме, — предложил я Анисимову, — а на оборотной стороне я изложу свои соображения о нецелесообразности и тяжелых последствиях отхода ставропольских войск в то время как, оставаясь на месте, они могли бы успешно вести боевые действия и оказать тем самым значительную помощь как Южному, так и Каспийско-Кавказскому фронтам.

Анисимов молчал. Видимо, он не ожидал такой резкой постановки вопроса и обдумывал, как со мной быть. Затянувшаяся пауза была прервана близким взрывом артиллерийского снаряда. Все вздрогнули. В селе засту-

чали ружейные выстрелы, где-то рядом заговорил пулемет. Как потом выяснилось, это были белые. Воспользовавшись густым туманом, они подошли вплотную к селу и атаковали его.

Начдив 4-й стрелковой выскочил на улицу, чтобы организовать для отпора противнику находившийся в селе 9-й полк. Анисимов, Крузе и Жлоба сели в грузовую машину и уехали, не попрощавшись со мной. Штабные работники принялись поспешно сжигать и укладывать в ящики документы.

Я выбежал с маузером в руке на площадь и стал останавливать отдельных растерявшихся красноармейцев, чтобы предотвратить возможную в таких случаях панику. За селом слышалось дружное «ура», потом перестрелка стихла.

Я вернулся в штаб Реввоенсовета и застал там уже вернувшихся Кузьмина, Кучина и Лихачева. Мы стали горячо обсуждать наш разговор с Анисимовым, как вдруг снова появились уехавшие было Анисимов, Крузе и Жлоба.

Прямо с порога Анисимов заявил:

— Товарищ Сухоруков остается в Ремонтном представителем Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и уполномочивается действовать по своему усмотрению.

Я был удовлетворен таким поворотом дела и искренне поблагодарил Анисимова за оказанное мне доверие. Трудно сейчас сказать, что повлияло на него столь решительным образом. Скорее всего, он сам трезво проанализировал обстановку и понял, что был не прав.

Теперь, когда главный вопрос был разрешен в нашу пользу, я обратился к товарищам с просьбой отправить нам из Яшкуль оставшиеся там боеприпасы, обмундирование, медикаменты и имущество связи.

— Вы получите все, что просите, — заверил меня Анисимов. — Но лучше было бы, если бы вы съездили в Яшкуль сами.

В Яшкуль я смог вырваться лишь в конце февраля. Мы были там с представителем отдела снабжения 10-й армии товарищем Резниковым, проделав путь туда и обратно верхом на конях. В Яшкуле снова увиделся с Анисимовым, мы дружески беседовали, и он помог нам приобрести все необходимое. Вскоре боеприпасы, обмундирование, обувь и медикаменты были доставлены в Ремонтное.

Так нам удалось отстоять свой план боевых действий за Манычем. Мы были твердо убеждены в правильности выбранной нами позиции. Командование 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизий брало на себя серьезную ответственность и прилагало все усилия для проведения в жизнь поставленных перед собой задач.

8 февраля на участке возобновились боевые действия. Враг пытался овладеть Крестами и Кормовым, а с 9-го числа предпринял атаки на Ремонтное. Бои носили ожесточенный характер. У нас не хватало боеприпасов. 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия все еще находилась в рейде. Село Ремонтное несколько раз переходило из рук в руки. В конечном итоге противнику удалось овладеть им. Полки 4-й стрелковой дивизии отступили к Валувке.

Вечером 10-го на заседании Реввоенсовета было решено дать утром бой и отбросить белых за Маныч. За ночь бойцы немного отдохнули и накормили коней, а с рассветом колонны стрелковой дивизии вышли из Валувки, имея впереди охранение и разведывательные группы. В отдельных колоннах за пехотой двигались пятнадцать артиллерийских орудий. Накануне комиссары побывали среди бойцов и разъяснили им значение предстоящего боя.

В восьми километрах от Валувки наши части развернулись в цепи и пошли в атаку. Открыла огонь артиллерия. День был слегка морозный, в степи — небольшой снег. Оттеснив разведку противника и боевое охранение, наши части подошли вплотную к Ремонтному. Сблизившись с врагом, бойцы, взяв винтовки наперевес, бросились в атаку.

Особенную энергию в этом бою проявил И. Р. Апанасенко, сумевший сформировать в течение нескольких дней кавалерийский отряд. Сам он всегда был впереди, увлекая за собой своих конников.

Противник не выдержал артиллерийского огня и стремительного натиска наших частей и отошел к северной окраине Ремонтного, рассчитывая, очевидно, закрепиться на этом рубеже. Я в это время находился на кургане вблизи северной окраины села и вместе с начдивом Элистинской дивизии товарищем Репаховым внимательно наблюдал в бинокль за ходом боевых действий. Около двух часов дня на правом фланге дивизии показалось несколько

ко кавалерийских полков. Вначале я принял их за белоказаров, но когда конница вышла из-за нашего правого фланга и устремилась на вражеские позиции, я понял, что это вернувшаяся из рейда 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия. Прямо с марша, не дав ни себе, ни коням отдыха, кавалеристы ударили во фланг и тыл противника.

Воодушевленные неожиданной подмогой, батальоны поднялись и бросились на врага. Еще ожесточеннее заговорила артиллерия. Белые дрогнули и стали в беспорядке отступать на Кресты, оставив на поле боя большое количество убитых и раненых, а также много боеприпасов и вооружения.

Наша победа под Ремонтным основательно подорвала силы противника. Он ушел за Маныч и уже не мог начать против нас активных боевых действий до мая.

Реввоенсовет Особой соединенной армии на своем очередном совещании рассмотрел итоги проведенной операции. Было отмечено большое мастерство командного состава, а также массовый героизм, проявленный красноармейцами в боях за освобождение Ремонтного.

На том же совещании было решено заменить командира кавалерийской дивизии, назначив на эту должность И. Р. Апанасенко. Произошло это следующим образом.

Зная о больших организаторских способностях Апанасенко и учитывая его многочисленные боевые заслуги, я пригласил его в Реввоенсовет армии и сообщил, что мы решили перевести комбрига из пехоты в конницу и назначить на высокий командный пост. Человек очень скромный по характеру, Апанасенко стал упорно отказываться от этого назначения.

— Нет-нет, я не справлюсь, — говорил он смущенно. — У меня нет опыта.

Я предложил ему подумать, а утром зайти снова.

На следующий день повторилось то же самое. Тогда я поднялся из-за стола и в присутствии А. Юрина сказал:

— Именем революции и диктатуры пролетариата приказываю вам вступить в должность начальника 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии!

Апанасенко выпрямился и четко ответил:

— Слушаюсь. Приказано сдать стрелковую бригаду и принять кавалерийскую дивизию.

Мы не ошиблись. В его лице красная конница получила еще одного талантливого и храброго военачальника.

Между тем положение на фронтах стало заметно улучшаться.

Уже в январе 8, 9 и 13-я армии Южного фронта отеснили войска Краснова к Новочеркасску и Ростову. Проявляя беспримерный героизм, 10-я армия надломил боееспособность белоказачьих полков под Царицыном и со второй половины февраля стала успешно продвигаться навстречу нашей армии вдоль железной дороги Царицын — Тихорецкая и тракта на Ставрополь.

После разгрома противника под Ремонтным оперативное и политическое положение Особой соединенной армии Степного фронта стало еще прочнее. Успешный рейд 1-й Ставропольской кавалерийской дивизии на Великокняжескую поставил командование белогвардейской Донской армии перед необходимостью отвлечь часть своих сил на борьбу с крупной воинской группировкой, действующей у нее в тылу. Именно это и предусматривалось нашими оперативными планами, именно поэтому мы и остались за Манычем, а не стали отступать на Астрахань или Царицын. Теперь мы могли с полным правом считать, что задачу свою выполнили до конца.

Однако на пути к желанной победе нас поджидала новая беда: сыпной тиф. Ежедневно из строя выбывало до ста и более человек. Избы были забиты больными. Мы чувствовали себя беспомощными перед лицом этой страшной опасности. У нас не было ни одного врача, не было медикаментов, госпиталей и необходимого санитарного оборудования. На всю армию оставалось восемь фельдшеров и двенадцать сестер милосердия — капля в море. Но и они героически сражались с болезнью — не спали ни днем ни ночью, дежурили возле больных. Я видел тогда примеры подлинного героизма — героизма не на фронте, не под пулями, а в тылу, героизма, который спас жизни тысячам и тысячам наших красноармейцев.

Чтобы хоть в некоторой степени уменьшить заболевание тифом, мы вывели в глубь донских степей, в район Новоселки, кавалерийскую дивизию Апанасенко. Но этих мер было, конечно, недостаточно.

Положение усугублялось еще тем, что в войсках кончились запасы хлеба в фуража, хотя мяса было в достаточном количестве. В обед и ужин мы ели калмыцкий

мясной шпюлем. На большее никто из нас, независимо от служебного положения, не рассчитывал. Кроме того, из-за отсутствия денег с декабря 1918 года армия не получала жалованья.

После установления связи с командованием Каспийско-Кавказского фронта Особая соединенная армия, как временное организационное соединение, 26 февраля 1919 года была расформирована. Вместо армии появилась группа войск Ставропольского боевого участка. В управление этого участка были включены все три члена Реввоенсовета Особой армии, а также начальник 4-й стрелковой дивизии Вдовиченко. Политическим комиссаром оставался я, моим заместителем — А. Юриц.

Несмотря на все трудности, моральный дух наших войск был по-прежнему высок. Красноармейцы рвались вперед, в Ставрополье, в свои родные места. Из Астрахани к нам стали прибывать коммунисты. Мы тут же назначали их на должности политработников и комиссаров полков. При политотделе были организованы курсы по повышению политических знаний коммунистов.

В эти тяжелые дни я ежедневно навещал больных сыпняком и раненых бойцов, подолгу засиживался у них, беседуя о жизни, о семьях, оставшихся на Ставропольщине, о скором наступлении.

В первых числах марта из Астрахани пришел приказ, в котором группе войск Ставропольского боевого участка ставилась задача прорвать оборону противника к югу от Маныча, выйти на станицу Атаманскую и двигаться навстречу наступающим из-под Царицына дивизиям 10-й армии.

Одновременно с получением приказа из Астрахани мы узнали, что главком И. И. Вацетис 4 марта 1919 года отдал из Москвы директиву командующему Каспийско-Кавказским фронтом М. С. Свечникову, в которой поставил группе войск 4-й стрелковой дивизии задачу перейти в наступление из района села Ремонтное на Великокняжескую и Котельниково, чтобы нанести удар в тыл Донской армии, сражавшейся под Царицыном.

Директива главкома целиком подтвердила тот план боевых действий, который был разработан нами в феврале. Она еще раз подчеркнула необоснованность выдвинутых Аписимовым требований об отводе наших войск на Астрахань.

8 марта стрелковые полки 4-й дивизии перешли Маныч. 1-я Ставропольская кавалерийская дивизия под командованием Апанасенко нанесла удар из Новоселок с последующим наступлением на Великокняжескую. Полки Элистинской стрелковой дивизии и Черноярской бригады двинулись на станицу Атаманскую и село Киселевка по царицынскому тракту.

Бойцы давно ждали этого часа. О нем говорили еще в начале отступления. Войска шли в бой с ясным сознанием поставленных перед ними задач. Для оживления работы в частях перед началом боевых действий было отдано распоряжение направить личный состав курсов по повышению политических знаний непосредственно в воинские подразделения.

Бои кипели на всех направлениях. Я двигался на тачанке в первых рядах частей, наступающих на Торговое и Киселевку. Именно здесь должна была произойти встреча с передовыми отрядами 10-й армии. У меня поднималась температура, я чувствовал сильный жар. Видимо, это был тиф.

Ко мне привели группу пленных, захваченных в районе станицы Атаманской. Пленные были испуганы и полностью деморализованы. Они сказали, что подразделения 10-й армии уже близко, что белые отступают по всему фронту.

Я спешил попасть в Киселевку еще до того, как мне станет совсем плохо. Жар усиливался, во рту пересохло. Тачанка поднесла меня к высокому крыльцу большого деревянного здания, возле которого стояла группа красноармейцев. Навстречу мне вышел начальник 37-й стрелковой дивизии товарищ Шевкопляс. Мы подробно информировали друг друга о положении частей 10-й и 11-й армий.

Когда я сказал, что весь район от Торговой до Маныча находится в руках 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизий, что наши части заняли Атаманскую и движутся на Котельниково, Шевкопляс изумился. Он приказал тотчас же соединить меня по телефону с командованием 10-й армии. Я охотно повторил командованию все, что рассказал Шевкоплясу.

Расстались мы поздно вечером. Мне хотелось скорее попасть в Валуевку, чтобы информировать свой штаб о состоявшейся встрече с представителями 10-й армии. До

Падувки я добрался уже в совсем тяжелом состоянии. Помню, что успел сказать о своем разговоре с Шевкоплясом и еще что-то. Лихачев обнял меня и посадил на лавку. Временами меня покидало сознание. Помнится, мне измеряли температуру. Потом начался бред.

Как я потом узнал, тиф свалил и моего помощника А. Юрина. Мы вместе лежали в одной избе, вместе боролись с опасной болезнью.

Молодой организм оказался все-таки сильнее недуга. Настал день, когда мы смогли выйти на улицу и присесть на завалинку. Мы радовались солнцу, зелени, нам не терпелось поскорее вернуться в боевой строй.

Во время моей болезни у нас произошли большие изменения. Оказывается, Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта выдвигал перед главкомом И. И. Вацетисом различные проекты, касающиеся дальнейшей судьбы войск 4-й стрелковой дивизии. Он предлагал, в частности, преобразовать наши войска в 11-ю армию, а 10-ю передать Каспийско-Кавказскому фронту.

Но главком решил иначе. Каспийско-Кавказский фронт был расформирован. Из частей 11-й и 12-й армий была создана отдельная 11-я армия, а 4-я стрелковая дивизия, пополненная полками Элистинской дивизии и Черноярской бригады, была включена в состав 10-й армии Южного фронта, получив при этом новую нумерацию. Она стала именоваться 32-й стрелковой дивизией. Что же касается 1-й Ставропольской, то ее переименовали в 6-ю кавалерийскую, нацивом которой так и остался И. Р. Апанасенко.

Я и Юрин между тем медленно поправлялись. Для полного восстановления здоровья нас решили отправить в Царицын. На проводы приехали почти все командиры дивизии. Трудно было расставаться с друзьями, с которыми прошел пелегкий боевой путь, делил горечь поражений и радости победы.

Во время пребывания в Царицыне я неоднократно встречался с членом Реввоенсовета 10-й армии товарищем Ефремовым, только что вернувшимся из Москвы с VIII съезда РКП(б). Он рассказывал мне о столице и о съезде, я информировал его о борьбе 11-й армии на Северном Кавказе, о нуждах 32-й стрелковой и 6-й кавалерийской дивизий.

После того как здоровье мое окончательно поправи-

лось, я снова выехал на Южный фронт, где работал сначала в должности комиссара бригады, а затем дивизии. В августе 1919 года ЦК РКП(б) направил меня на учебу в Академию Генерального штаба РККА, которую я закончил в 1922 году.

На всю жизнь остались в моей памяти те трудные дни, когда в непрерывных боях в Ставрополье и на Маныче ковалась наша победа. Нельзя забыть боевых друзей-ставропольцев: И. Р. Апанасенко, Д. О. Положишников, С. С. Заюту, А. М. Литвинова, В. И. Книгу, В. С. Голубовского, И. В. Селиванова, В. И. Берлова, К. Л. Пантоса и многих других славных командиров, благодаря мастерству и беззаветной храбрости которых мы выстояли и победили. Не забыть и тех красноармейцев, которые стойко дрались с вооруженным до зубов врагом, оставаясь до последней капли крови верными делу революции и рабочего класса, тех простых крестьян от сохи, которые сердцем поняли правду Коммунистической партии и пронесли ее незапятнанной в трудных походах и жестоких боях.

Я рассказал об одном из эпизодов борьбы с Деникиным, о боевом пути 4-й стрелковой и 1-й Ставропольской кавалерийской дивизий, об операциях в Ставрополье, отходе за Маныч и начале нового наступления.

Деникин был разбит в последующих боях. В 1920 году Красная Армия очистила от белогвардейцев и интервентов Северный Кавказ. Немалый вклад в эту победу внесла и 11-я армия, сражавшаяся под руководством Сергея Мироновича Кирова, М. И. Василецко и М. К. Левандовского. В ее составе дралась наша 32-я стрелковая дивизия.

Неувядаемой славой покрыла себя и 6-я кавалерийская дивизия под командованием С. К. Тимошенко и И. Р. Апанасенко. Она сражалась под Воронежем и Ростовом, Белой Глиной и Торговой, участвовала в Егорлыкской операции, воевала с армией панской Польши и бароном Врангелем в Крыму.

Прошли годы. И когда на западных границах вспыхнуло пламя военного пожара, командиры-ставропольцы снова встали на защиту священных рубежей нашей Родины. Среди героев Отечественной войны против фашистских захватчиков мы встречаем имена генерала армии И. Р. Апанасенко, отдавшего свою жизнь в битве на

Курской дуге в августе 1943 года, Героя Советского Союза генерал-полковника П. Л. Романенко, генерал-полковника Я. Т. Черевиченко, генерал-лейтенантов И. В. Селиванова и В. С. Голубовского, генерал-майоров В. И. Книги, Н. Г. Зиберова, П. М. Синюкова, П. М. Давыдова, полковника С. С. Дикана, подполковников Д. О. Положимникова, С. С. Закоты, Д. Т. Дергача и многих других.

В. А. Сергеев

В БОГАТЫРСКОМ СТРОЮ

Полвека минуло с тех пор, как Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании регулярной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Весть об этом застала меня в Пятигорске — городе, в котором я родился, призывался на военную службу в 1911 году, а восемь лет спустя дрался с бандой Шкуро.

А дело было вот как. Узнав о том, что в городе работает комиссия по вербовке добровольцев в ряды Красной Армии, я рассказал об этом бойцам своего отряда. В конце беседы спросил:

— Кто желает стать красноармейцем?

— Все, товарищ командир! — услышал я в ответ.

В тот же день работник аппарата Пятигорского горкома партии Г. А. Поддубный оформил соответствующий документ и горячо поздравил нас со знаменательным событием.

— Городская партийная организация выражает твердую уверенность, — сказал он, — что в предстоящих боях с врагами революции вы будете высоко держать честь воинов ленинской армии — армии нового типа.

Слова Поддубного вызвали в памяти встречу с вождем первого в мире пролетарского государства, создателем и руководителем большевистской партии — Владимиром Ильичем Лениным.

Под Старой Руссой полковой комитет, в который наряду с другими товарищами был избран и я, решил организовать красногвардейский отряд и послать его в Петроград, где шла подготовка Октябрьского вооруженного восстания. Я был единственным коммунистом в отряде, имевшим за плечами шесть лет службы, командирские навыки и военные знания в объеме младшего офи-